

МОНИКА КРИСТЕНСЕН УБИЙЦА ИЗ ПРОШЛОГО

АРКТИЧЕСКИЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

Моника Кристенсен
Убийца из прошлого
Серия «Арктический
криминальный роман»
Серия «Шпицберген», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57110276
Убийца из прошлого: Паулсен; Москва; 2017
ISBN 978-5-98797-184-0, 978-82-7547-795-6

Аннотация

Захватывающий, почти документальный отчёт о страшных событиях, происходивших на Шпицбергене во время войны, производит сильное впечатление.

История начинается в 1941 году, во время немецкой оккупации Норвегии. На самой северной её окраине, в глухом и малонаселённом Сёр-Варангере, за считанные месяцы концентрируются колоссальные военные силы – сотни тысяч немецких и австрийских солдат. Обстановка благоприятствует авантюристам, преступникам, предателям и шпионам всех мастей. Но один честный полицейский ведёт отчаянную и безнадёжную борьбу с хаосом, по мере сил защищая справедливый порядок. В это трудное время ему приходится

идти по следу хладнокровного и безжалостного убийцы, которого он так и не сумеет поймать. Преступник ускользнёт на архипелаг Шпицберген. Спустя полвека ветераны войны в Арктике соберутся, чтобы вспомнить свою боевую молодость. Всё указывает на то, что жестокий убийца из прошлого всё это время скрывался и сейчас оказался на встрече боевых товарищей.

Собранные много лет назад материалы попадают в руки шпицбергенского полицейского Кнута Фьеля. Удастся ли Фьелю вычислить и разоблачить убийцу?

Содержание

Глава 1. Икона из России	6
Глава 2. Приглашение	24
Глава 3. Единственный свидетель	37
Глава 4. Следователь из прошлого	47
Глава 5. Начало расследования	57
Глава 6. Письмо из Иёвика	71
Глава 7. Ещё один труп	85
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Моника Кристенсен

Убийца из прошлого

© Паулсен, 2017

© Monica Kristensen and Forlaget Press, Oslo 2008

Published by agreement with Copenhagen

Literary Agency ApS, Copenhagen

Глава 1. Икона из России

На небольшом холме лежали двое и следили за церковью. Был ранний вечер, но луна уже заливала бледным светом пустынный заснеженный пейзаж, населённый тенями. Из снега местами торчали чёрные голые ветви низкорослых деревьев, забравшихся так далеко на север и скорчившихся от нехватки света и питания.

Церковью был простой бревенчатый сруб с узкими щелями-окнами по обеим сторонам двери. Церковь казалась старинной, да такой она на самом деле и была. На крыше располагалась труба, сложенная из нетёсаного камня, а на коньке с краю был прибит высокий крест, грубо вырубленный из дерева. Из трубы шёл дым. Прошло не меньше часа с тех пор, как от едва видимой дороги к церкви подошли двое – высокий мужчина с мешком за плечами и маленький мальчик. Вдалеке виднелся припаркованный автомобиль.

Изношенная и грязная военная форма не спасала тех, кто лежал на холме, от холода. Они представляли себе, каково было бы сейчас сидеть там, в деревянном домике, в тёплой комнате, имея тёплую еду и питьё. Но дать о себе знать они не отваживались. Время ещё не пришло. Им можно будет спуститься, когда совсем стемнеет и они убедятся, что больше никто не придёт.

Было самое начало марта, 1941 год. На другой стороне

границы, на много миль к югу от промёрзшей русской тундры, через несколько недель разразится великая битва. Погибших будет столько, что трупы останутся лежать на поле боя, меж стволов деревьев в редком еловом лесу, у сожжённых домов и разрушенных церквей. Друзья вскоре станут врагами и перестанут видеть друг в друге людей. Солдаты обеих сторон забудут, ради чего воюют. У них будет одна цель – дожить до следующего дня, и победителей в этой войне не будет.

А ещё дальше на юг уже чертили планы и готовились возводить целые кварталы барачных домов и бетонных бункеров, которые позже назовут Аушвиц, Заксенхаузен, Дахау и Майданек. На севере же русская военная машина вынесет невыносимое, встретит все направленные на неё удары – и ответит с такой же жестокостью.

Но два человека на холме ничего об этом не знали. Они были дезертирами, хотя сами себя так не называли. В конце концов, они были норвежцы, уроженцы Йёвика. Они сбежали из немецкого снайперского подразделения, действовавшего глубоко в тылу врага и получавшего приказы непосредственно от берлинского штаба. Им назначено было быть элитой, но всё вышло не так. И вот они лежат на холме в Пасви́ке, одни в пустынном и незнакомом месте, далеко от людей. Они уходили от русских, от финнов, от немцев и норвежцев. Беглецы в рваной одежде, которые вот-вот уснут и никогда больше не проснутся.

Не таким они себе представляли возвращение в Норвегию. Их отец служил в полиции. Оккупанты, которые при ближайшем рассмотрении оказались самыми обычными людьми, гоняющимися за собственной выгодой, быстро завоевали симпатии этого надменного и недалёкого человека. Но его сыновья страдали от всеобщего презрения и мелких издевательств, хотя никто из земляков не отваживался унижать их в открытую.

Оттар был старшим. Он хотел выдвинуться, мечтал сделать карьеру. Не приходилось сомневаться, что немцы рано или поздно покорят всю Европу, поэтому он решил встать на их сторону. А младший брат, Нильс, был тихим и домашним, и ему было всё равно, какой дорогой пойти. Он тянулся за братом. Вот так они и попали в норвежский набор элитных солдат для войск СС, что сулило быстрое продвижение по службе, деньги и почёт. Строй молодых людей, записавшихся добровольцами, чтобы внести свой вклад в борьбу Германии против большевиков, инспектировал сам премьер-министр Видкун Квислинг. Но мама всё равно плакала.

– Тебе обязательно и Нильса с собой брать? – спрашивала мать с мольбой в голосе. – Ему ведь всего семнадцать.

Как всегда. Бедняжка Нильс, мамин любимчик. Для неё он никогда не совершал промахов, ни в чём ни разу не был виноват, никогда. И всё-таки Оттар любил братишку, который был на два года младше. Без Нильса и вербоваться бы не стоило. А уговорить брата на большое приключение было

проще простого. Так уж повелось: куда Оттар, туда и он.

Поначалу всё было так, как он и расписывал брату. Путешествие в Осло, встреча с другими добровольцами, торжественная церемония на ипподроме, где присутствовал сам Генрих Гиммлер вместе с премьер-министром и другими шишками из партии «Национальное единство»¹. И снова дорога – в отборочный лагерь возле австрийского города Грац. Братьев охватило такое возбуждение от приключения, что они не могли толком ни есть, ни спать. Потом был тренировочный лагерь, дух товарищества, дисциплина... Приключение продолжалось.

Но вскоре пришло разочарование. Они думали, что всех норвежских солдат соберут в одном из трёх полков танковой дивизии СС «Викинг», в том, который получил название «Нордланд». Но вместо этого их разбросали кого куда, перемешав с финнами, выходцами из Восточной Европы и прочим разношёрстным сбродом.

Оттара и Нильса отправили в Польшу. Пошли бесконечные переброски, почти без боёв. Оружие и снаряжение оказались громоздкими и тяжёлыми, а кормёжка – скверной. На норвежцев и всех остальных иностранцев немецкие солдаты посматривали свысока.

Затем передислокация на север, к российской границе. Туда, где через несколько месяцев пройдёт Восточный

¹ Норвежская ультраправая политическая партия, основанная Видкуном Квислингом в 1933 г.

фронт. Тем временем зима принесла с собой холода и такую безнадежность, какой братья раньше и вообразить не могли.

Нильс начал поговаривать о побеге и о том, как бы им вернуться в Норвегию. После того как разбили лагерь, он стал часто плакать. Забирался в спальный мешок и плакал – только грязные светлые вихры торчали из мешка. И глаза у Нильса стали какие-то мёртвые.

Должно быть, произошла ошибка, их приняли за финнов, и несколько человек вдруг попали в плен к русским, в том числе и братья. Они надеялись, что недоразумение разрешится, как только поймут, что они норвежцы. Но время шло, а они всё так же обретались в одной куче с другими солдатами – чехами, поляками, финнами и единственным англичанином. Все попытки объясниться ни к чему не привели, не помогло даже то, что на них была форма немецких солдат. Офицеры командного состава были всё время пьяны и время от времени расстреливали случайного заключённого, чтобы держать остальных в страхе.

Их отправили на север: сначала везли в открытых вагонах, затем повели пешком. Они шли по грязным дорогам в глубь страны, и того, кто падал, расстреливали без малейшего колебания. Наконец они вышли на большую равнину, где был лагерь для военнопленных – кучка сараев, обнесённых тремя рядами колючей проволоки. Там братья провели около двух месяцев, но потом пришёл приказ всех пленных ликвидировать. Бараки надлежало сжечь, сровнять с землёй. За-

чем русским тратить силы на заботу о чужаках?

Угрожая оружием, пленных заставили лечь на снег, и по ним поехали танки. Оттар лежал на земле, прижав к себе Нильса.

В нескольких метрах от братьев танк остановился, забуксовав в ледяной мешанине из человеческих тел и грязи. Было уже далеко за полночь. Русские разошлись по палаткам и крепко напились. Вдруг вдали взметнулось пламя – это горели бараки с оставшимися пленными. Теми, у кого не хватило сил подняться и выйти.

После ухода русских Оттар ещё долго лежал неподвижно, чувствуя, как идущий от земли холод всё больше сковывает тело. Но в конце концов он решился подняться, встал на четвереньки. Никто не начал стрелять, поблизости не оказалось ни одного русского солдата. Другие пленные не шевелились, даже брат. Он поднял Нильса и пошёл, не разбирая дороги и даже не пытаясь спрятаться. Нильс был без сознания, и он то тащил его по земле, то нёс на руках. Наконец они упали в какие-то кусты и заснули.

Разбудил их свет, пробивавшийся сквозь пелену тумана. Вскоре они набрали на пустую хижину, нашли там дрова и остатки еды: не случись этого, в тундре осталось бы на два окоченевших трупа больше.

К ним медленно возвращались силы. В хижине они пробыли несколько дней, Оттар точно не знал сколько. Они ели прогорклое масло, которое нашли в узком шкафчике, и

остатки чего-то, что некогда было мукой, а теперь больше напоминало чёрную крупу с жучками и прочими насекомыми. Они ели коренья, траву и листья – всё, что только могли найти.

Пришёл день, когда братья достаточно окрепли, чтобы двинуться дальше. Зима была в разгаре, и вся тундра лежала под снегом. Они старались идти, избегая больших дорог. По ночам рубили ветки и, как могли, сооружали шалаш. Но холод пробирал до костей, не давая уснуть, и они дремали, не отключаясь от горьких мыслей.

Однажды вечером братья увидели вдалеке русские войска, идущие маршем на юг. Несколько мучительных минут, окаменев от страха, они наблюдали за змеящейся линией людей, так похожих отсюда на муравьев. После этого Оттар решил идти на северо-запад. И снова им повезло: они наткнулись на одинокую ферму, окружённую редкими деревцами. Жившие там пожилые супруги заперлись в спальне. Но они были так напуганы, а допотопное ружьишко, которым они пытались защищаться, так мало могло помочь, что меньше чем через час братья перенесли их трупы в разваливающийся сарай, а сами на несколько недель расположились в доме. Ни один из них не догадывался, что Рождество давно наступило и прошло.

Они питались жалкими запасами, которые старики заготовили на зиму, но через несколько недель еда подошла к концу, и им пришлось двигаться дальше. Решили идти к

норвежской границе. Больше всего они боялись очутиться в Финляндии: языка они не знали, а драться пришлось бы с людьми, гораздо более привычными к зиме, чем они сами. Они, как могли, определяли направление: днём – по солнцу, в ясные ночи – по звёздам.

В один из дней они вышли к широкой, покрытой льдом реке и, то и дело спотыкаясь на закоченевших ногах, стали перебираться на другой берег. Ночь наступила раньше, чем они достигли его. Неподаляку они увидели палатку, в которой спали двое немецких солдат. Не думая о том, что эти люди сражаются на той же стороне, что и они сами, братья убили обоих, забрали оружие и форму, вот только годных сапог оказалась всего одна пара. Оттар отдал их Нильсу, а тот молча принял.

Но, похоже, удача от них отвернулась. День за днём они шли, избегая дорог и людей. Оттар полагал, что они уже в Норвегии. Оба смутно понимали, что их арестуют в любом случае: для норвежцев они предатели, для немецких властей – дезертиры. План братьев был таков: уйти на юг и затеряться среди своих, прикинувшись бойцами Сопротивления в бегах.

Они шли, они ползли, они мёрзли и голодали. Приграничные земли, по которым они пробирались, были пустынные. Иногда вдалеке мелькала широкая замёрзшая река. Они искали какой-нибудь дом, где можно было бы разжиться едой, но им ничего не попадалось до тех пор, пока, поднявшись на

очередной холм, они не увидели небольшую церковь.

Священник из посёлка Гренсе-Якобсельв раз в месяц приходил проведать маленькую православную церковь на берегу реки, которую возвёл несколько сотен лет назад монах с Печоры, проповедовавший саамам² по обе стороны границы.

Церковь, давно заброшенная, находилась в прискорбном упадке. Внутреннее помещение, без малого тридцать квадратных метров, стояло незапертым. Росписи, когда-то прекрасные, выцвели и потрескались, резные деревянные украшения и картины побурели от времени и от печной копоти – в церкви топили по-чёрному. Пахло золой и дёгтем, а ещё чувствовался слабый запах плесени: признак гниения, начавшегося из-за того, что выбитое окно у входа так и не застеклили.

Но в алтаре, за запертой дверью, висела драгоценная икона, скрытая от посторонних глаз. Более пятидесяти лет назад церковь получила её в дар от русской графини. Она пересекала границу в метель и заблудилась, но была спасена саамами, которые её нашли и выходили. Таким образом она пожелала увековечить событие, которое сочла проявлением Божьей благодати. Священник обычно закрывал икону шерстяным пледом, чтобы спрятать оклад из чистого золота, инкрустированный жемчугом и драгоценными камнями. Икона была написана в Москве в семидесятые годы XIX века

² Малочисленный финно-угорский народ, коренной народ Северной Европы.

в старинном стиле и изображала архангела Михаила верхом на коне.

Священник прекрасно понимал, что основную ценность представляет оклад, но больше волновался о том, как бы не начал шелушиться красочный слой на самой иконе. Ради сохранности иконы он регулярно навещал церковь и протапливал помещение.

Епископ, узнав о ценной иконе, попросил священника забрать её из ветхой постройки, которую нельзя даже запереть. Разумеется, он предпочёл бы, чтобы её перевезли в Киркенес, но нужно было по крайней мере спрятать икону, пока война не закончится. Однако священник бурно возражал. Икона не принадлежит норвежской церкви, говорил он, она во владении саамов-скольтов³, как и церковь, предназначенная для православной общины. Он также обратил внимание епископа на то, что в Киркенесе, кишасщем немецкими солдатами, икона вряд ли будет в большей безопасности. Так что пока она оставалась в церкви под пледом.

Несмотря на тепло, шедшее от трескучего огня, который развёл в печи священник, в деревянном доме было сыро и холодно. Священник отпер алтарь, принёс оттуда плед и накинул его на плечи ребёнку. Его сыну было всего пять, и отец гордился тем, что малыш прошёл весь долгий путь от того места, где они оставили машину, и ни разу не пожаловался. Порывшись в большом сером мешке, он достал еду и бутыл-

³ Этническая группа саамов.

ку молока.

Вдоль стен стояли простые скамьи из грубо обтёсанных брёвен. В этом священном месте уже много лет не было служб, но священник произнёс перед едой благодарственную молитву. Малыш пил молоко и улыбался отцу.

Двое мужчин не вошли, а ввалились внутрь церкви. На фоне полосы серого сумеречного света они показались священнику чёрными тенями. Они принесли с собой дуновение холодного ветра и танцующие в воздухе снежинки. Огонь в печи вдруг полыхнул и на миг осветил обшарпанные бревенчатые стены. Один из пришедших дошёл, а лучше сказать дотащил, другого до лавки. Оба тяжело на неё опустились. Исхудавшие лица перекосило от холода. Глаза у обоих были как будто мёртвые и ничего не выражали.

Священник поднялся и, не говоря ни слова, взял сына за руку и увёл в алтарь.

– Побудь здесь немного. И не выходи, пока я тебя не позову.

– Пап, здесь так холодно. – Мальчик пытался рассмотреть, что загораживает от него отец.

– Укутайся в плед и делай, как я говорю, сынок. Мы уже скоро пойдём к машине.

Он немного постоял перед дверью, словно собираясь с духом. Вышел из алтаря и направился к пришедшим. Те пододвинули лавку к самой печи, и от их одежды запахло кислым. Один из них снял сапоги, и священник увидел, что носков на

нём нет, только обрывки тряпок, которыми тот замотал ноги.

Священник уже не раз натыкался на дезертиров, пробиравшихся с другой стороны границы. На этих форма была немецкой, и он обратился к ним по-немецки, но его перебили по-норвежски.

– Мы отстали от роты, – коротко бросил старший.

Священник знал, что норвежцы, отправившиеся на передовую, сражаются далеко на юге, на Восточном фронте. И сомневался, что успокоит парней, если подыграет им, приняв их ложь. Да и правда была слишком очевидной.

– Сбежали? – Священник не скрывал сочувствия. – Нельзя вас за это винить. Люди не должны терпеть все эти ужасы.

Тот, что помоложе, поднял на него удивительные светло-голубые глаза.

– Все остальные мертвы. Нам надо убраться подальше. Мы больше не хотим сражаться.

Священник развернул свёрток с едой и положил содержимое на лавку между ними. Вылил остатки молока из бутылки в жестяную кружку сына и протянул им.

– Вот, возьмите. Вам наверняка нужно хоть немного поесть. Мы скоро уйдём, а вы оставайтесь здесь, сколько захотите. Там у стены с другой стороны есть ещё дрова. Никто сюда не приходит, так что подумайте спокойно и решите, как вам быть дальше.

Ну, вот и сказано главное. Они должны были понять, что он не будет вмешиваться в их дела.

Может, и показалось, но священник вроде бы заметил, что оба молодых человека – ну, по крайней мере, старший – чуть-чуть расслабили плечи. Лучше не знать, как долго они обходились без еды. Наверное, скоро заснут на лавке.

Но тут с долгим скрипом отворилась алтарная дверь и выглянул закутанный в плед мальчик.

– Папа?

– Мы скоро уже пойдём.

Священник метнулся к двери. Но было поздно. Золотой оклад сиял высоко на стене, подобно пламени. Те двое устали на него и застыли.

Священник втолкнул мальчика в алтарь и закрыл за собой дверь. Поправил на нём плед. Откинул задвижку на высоком окне, слишком узком, чтобы в него мог протиснуться взрослый. Потом подсадил малыша в окно и прошептал:

– А теперь сделай, как я скажу. Беги во весь дух к Миккелю Сирме и расскажи ему, что ты видел. Знаешь, где его становище? Держись оленьих следов у реки. Меня не жди. Будь молодцом, беги быстро-быстро. Ради мамы. Тебе нужно домой к ней, понимаешь?

Не было времени придумывать историю получше.

Но сын, кажется, почувствовал, что отец по-настоящему встревожен и по непонятной причине нуждается в его помощи. Он спрыгнул на тонкий наст под стенами церкви и припустил по пологому склону вниз к закованной в лёд реке. Плед волочился за ним, но он не обращал на это внимания.

Священник судорожно втянул в себя воздух и пошёл обратно к тем двоим на лавке.

Они неподвижно стояли посередине церкви и молчали. Но взгляды их были прикованы к алтарной двери. Священник как-то раз загнал в угол у себя на кухне в Гренсе-Якобсельве двух крыс. У них точно так же бегали глаза.

– Такое богатство в незапертой церкви? – заговорил тот, что помладше. Старший схватил его за руку, но ничего не сказал.

У священника сжало горло от страха. Он несколько раз кашлянул.

– Это икона. Из России. Дар этой церкви, поднесённый много лет назад одной знатной русской дамой. Она не такая уж старинная, как можно подумать, но написана в классическом стиле, который зародился ещё в XII веке. На ней есть подпись мастера, для икон это редкость.

Молодые люди по-прежнему не двигались. Младший смотрел на него, старший – на икону.

– Принести её? Хотите взглянуть поближе?

Он быстро прошёл в алтарь, пододвинул к стене лежавшую на полу колоду, встал на неё и осторожно снял икону с большого железного крюка. Вместе с окладом она весила добрых десять килограммов. Священник бросил быстрый взгляд в окно. Мальчик уже превратился в далёкую чёрную точку на заснеженных склонах.

Священник вынес икону из алтаря и поставил на одну из

скамей, осторожно прислонив к стене. Огонь из печи высветил её полностью. Золото как будто зажило собственной жизнью, затмив убогость обстановки. С губ обоих людей сорвался вздох. Картина их словно загипнотизировала. Подавшись вперед, они гладили грязными руками драгоценные камни. Когда священник заговорил, оба вздрогнули.

– А знаете ли вы, что иконы нельзя рассматривать как обычную живопись? Что это религиозные символы?

Священнику надо было во что бы то ни стало поддерживать разговор. Молодые люди улыбнулись и что-то пробормотали, не отрывая глаз от сияния золота и разноцветных вставок, искрящихся среди молочно-белого жемчуга.

Священник кивнул, больше для себя, чем для них.

– То, на что вы сейчас смотрите, своего рода крышка для самой картины. Она, конечно, хороша – позолота, сверкающие камни. Но настоящее сокровище – согласно православной вере – находится под крышкой. Сейчас я сниму оклад и покажу вам.

Двое повернулись к нему с явной неохотой, но всё же позволили убрать золотой оклад и поставить рядом. Перед ними предстала икона.

– Это – архангел Михаил, – почтительно произнёс священник.

Образ был передан схематично и сухо, он представлял ангела с мощными белыми крыльями, облачённого в серебристую броню и белоснежные одежды, верхом на алом коне, ко-

торый одним прыжком перемахивает через пылающую преисподнюю. Чело фигуры венчали корона и нимб. В одной руке всадник держал трубу, в другой – богато украшенную книгу – Евангелие. Фон был покрыт блестящим сусальным золотом, но больше него взгляд притягивали насыщенные красные цвета.

Двое снова посмотрели на оклад.

– Это ведь просто позолоченный металл и стекляшки? – спросил тот, что помладше, глядя на икону с кривой ухмылкой.

Священнику очень хотелось это подтвердить, но он справился с искушением.

– Нет, это золото. И настоящие изумруды, рубины и жемчуг. Оклад очень дорогой. Его изготовили в семидесятые годы девятнадцатого века, чтобы почтить и защитить икону. Понимаете, оклад ведь призван защищать не только и не столько саму картину, сколько окно в...

– Неужели кто-то в это верит? И что такого в картине? Как по мне, не тянет она на драгоценность. Старая и потрескавшаяся. – Старший наконец вмешался.

– Что вы, икона тоже дорого стоит. Как я уже говорил, на ней изображён архангел Михаил. Существует не так уж много русских икон с его образом. Некоторые считают, что иконописцы иногда наделяли его чертами Христа.

Увлёкшись собственным рассказом, священник наклонился и стал показывать:

– Глядите, вот здесь, в углу, среди облаков, – маленький портретик. На этой иконе они разделены: большая фигура – это Михаил, а вот эта поменьше – Христос. Одна из обязанностей архангела Михаила – защищать души верующих от злых сил. Вот здесь и представлена борьба архангела с Сатаной. А пылающий колодец – это преисподняя.

Но молодым людям всё это было неинтересно. Они подошли почти вплотную к священнику и встали позади. Он сглотнул, но не обернулся, найдя в себе силы не подать виду, что напуган до смерти.

– А вот эта плитка, на которой мужик на коне нарисован, она тоже из золота? – Спрашивал снова младший.

– Нет, эта икона делалась по традиции. Она написана на доске, но доска тоже непростая. Её изготовили из очень дорогого дерева – кипариса. Потом на деревянную плашку нанесли несколько слоёв грунта и уже на нём написали образ красками на основе яичного желтка. Возможно, изображение кажется вам несколько плоским и неправдоподобным?

Священник сделал ещё один шаг к лавке, но гости последовали за ним. Ему казалось, он чувствует их жаркое, влажное дыхание у себя на шее.

– Дело в том, что она и не задумывалась как произведение искусства, отображающее жизнь. Иконы писались монахами и священниками, чьи помыслы были сосредоточены на Царстве Божьем и на Благой Вести христианства. Эта икона должна была дарить надежду и утешение тем, кто борется со

злом. Вам, может быть, непросто будет это увидеть, но образ представлен в обратной перспективе – другими словами, центр перспективы не на картине, а вне её – в пространстве перед картиной.

Дыхание за спиной священника сделалось хриплым и прерывистым. Он расслышал тихий лязг металла, но продолжил рассказ:

– Поэтому многие и считают, что икона – это не картина, а своего рода канал между тем, кто на неё смотрит, и Небесным градом. Что зритель погружается в икону и становится её частью. Если приглядитесь, то заметите, что взгляд архангела направлен прямо на вас.

Он сделал всё, что мог. Рассказ об иконе был довольно долгим – сын уже наверняка добрался до становища Миккеля Сирмы и теперь в безопасности.

Священник ещё немного постоял, глядя на икону с какой-то кроткой нежностью. Краски заиграли в лучах света. Архангел Михаил смотрел с иконы прямо в глаза священника. Тот глубоко вздохнул и повернулся к своим убийцам. Лицо его озаряла тихая улыбка.

Глава 2. Приглашение

По весне сад вокруг старого каменного дома в английском городке Блайленд расцвёл за считанные дни. Японские вишни преодолели робость и оделись в нежно-розовое цветочное облако. Себастьян Роуз вышел из машины и с удовольствием вдохнул ароматы сада. В такие дни, как этот, он был благодарен Эмме за её упорное нежелание переезжать из дома своего детства в Корнуэлле к месту его работы в Бристолле. Последние километры за рулём – мимо лугов, где пасутся лошади, вверх по вязовой аллее – стоили ежедневных мотаний между штаб-квартирой полиции и сельской глушью.

День клонился к вечеру, гравийная дорожка была освещена мягким светом. Он заглянул в кухонное окно и, как обычно, побарабанил пальцами по стеклу. Но сегодня Эмма его не услышала. Она сидела за столом сгорбившись, спиной к нему. Зато левретка Люка своим диким и безумным танцем у входной двери оповестила обожаемую хозяйку, что мужчина, который живёт с ними вместе, вернулся домой.

– Ну как, оживлённое сегодня движение на дорогах? – Эмма не встала, а только слегка обернулась к нему и рассеянно улыбнулась. Себастьян пожал плечами. На кухне было подозрительно тихо: не булькали кастрюли, не попискивала духовка.

– Может, пойти поесть в паб? – дипломатично предло-

жил Себастьян. Блайленд не назовёшь большим, в нём едва ли наберётся пятьдесят домов, и все они словно сторонятся друг друга, отступая за газоны и высокие каменные ограды. Но у перекрёстка четырёх дорог уже в Раннем Средневековье образовалась маленькая площадь. На ней в тени большого дуба размещались почта, церковь и постоялый двор.

– Ох, Себастьян, прости! Я думала приготовить пирог с бараниной и картофельное пюре. Но получила письмо. Кажется, это приглашение. Я присела на минуту и совсем забылась. Ничего, если мы просто останемся дома? Нам нужно кое о чём поговорить.

Пужинав омлетом и готовым куриным супом, они перешли в гостиную и заняли два кресла у эркерного окна в сад. Люка спала в своей корзине на кухне и во сне, судя по звукам, жестоко расправлялась с какой-то мелкой живностью. Себастьян зажёл трубку, отпил кофе из чашки. Эмму определённо что-то беспокоило.

– Как я тебе уже сказала, сегодня с почтой пришло приглашение. Только вот адресовано письмо было не мне. Оно на имя моего отца.

Какое-то время Себастьян сидел молча. Отец Эммы умер больше пятидесяти лет назад. Себастьян всегда знал, что об отце Эмма вспоминает с бесконечной скорбью, и понимал, каким потрясением было для неё прочесть на конверте его имя.

– Ну, Эмма, это очень странно. После стольких лет. А кто

отправитель?

– Оно из Норвегии, от организации, которая называет себя Союзом ветеранов войны в Арктике. Конечно, им известно, что он давно скончался, но они пытаются связаться с кем-то из родственников. У них есть только адрес, который был у него в 1941 году.

– Как это для тебя тяжело... – Себастьян наклонился и взял её за руку. Но Эмма ещё не закончила. Она протянула ему конверт.

– Прочти и скажи: мне принять приглашение?

Макс Зайферт снял массивную трубку старомодного чёрного телефона. Его квартира в тихом районе Бремена многие годы не знала перемен. Телефон стоял в мрачноватой прихожей, обставленной тяжёлой мебелью. Переставлять телефон в гостиную было незачем. Дети, сын и дочка, переехали далеко и звонили редко. Жена умерла. Немногочисленные друзья, жившие в Бремене, обычно встречались в маленьком кафе за несколько кварталов отсюда. Но одиноким он себя не считал, а про себя говорил, что просто стал меньше ждать от каждого следующего дня. Через полгода ему должно исполниться восемьдесят. И он испытывал удовлетворение от того, что живёт дома, – хотя бы этому можно порадоваться.

Голос на другом конце был высокий и восторженный. Ханс Шнелль, профессор метеорологии на пенсии, как всегда, тараторил вовсю.

– Ты получил письмо?

– Да.

– И поедешь, конечно? Фотографии, которые ты прислал, удивительно чёткие. Не понимаю, как вам вообще удалось сделать эти снимки, притом что вас ведь обстреливали с кораблей? Была одна фотография, я запомнил. На ней ясно видно человека, который стоит и в вас целится. А вы не потеряли головы и сделали эти снимки. Это подвиг.

Макс Зайферт прекрасно понимал, что старый метеоролог льстит ему в надежде переубедить. Но беспокойство, ворочавшееся в груди, толкало его в противоположном направлении. Зачем снова лезть на рожон? Ничем хорошим поездка на Шпицберген не кончится.

– По правде говоря, Ханс, мне не хочется в этом участвовать. Ты знаешь, у меня к ним претензий нет. Это было заурядное дело. Никто из наших не пострадал. Те два моих года в Северной Норвегии, они были неплохие, но ничего выдающегося со мной тогда не случилось. А к концу войны, сам знаешь, когда нас отозвали обратно в Германию, случилось кое-что посерьёзнее. Бомбардировка Дрездена. Стыд и срам, что этому позволили произойти. Если бы мы могли встретиться с английскими пилотами и поговорить о настоящих событиях... Но Шпицберген? Нет, Ханс. Пожалуй, я отказываюсь.

Профессор Шнелль не мог скрыть разочарования:

– Жаль, очень жаль. Твоё участие для меня много зна-

чит. Твои фотографии стали бы важной частью программы. Я надеялся, что выяснятся новые факты, да и для сообщества важно, чтобы немцы тоже участвовали. От Англии будет командующий Эверетт. И дочь британского офицера связи, погибшего на борту одного из кораблей. Я раньше о ней ничего не слышал. А ещё приедет...

Шнелль всё говорил и говорил, но Макс Зайферт дальше не слушал. Ах вот как, командующий Эверетт собирается на Шпицберген? Это меняет дело. Совершенно меняет. Макс почувствовал, как глубоко внутри вскипает прежний, почти забытый гнев. Вот и причина, чтобы всё-таки поехать.

Хенрик Сигернес, стипендиат и временный сотрудник Полярного музея в Тромсё, сидел у себя в кабинете и читал письмо, пришедшее с сегодняшней почтой. Он перечитал его дважды и прекрасно понял каждое слово. Просто никак не мог поверить, что это правда. Кто-то из университетских коллег решил над ним подшутить, не иначе. Он откинулся на спинку кресла и посмотрел в потолок.

Я пишу Вам, потому что случайно услышала по радио о встрече ветеранов войны, которая состоится на Шпицбергене этим летом. Мой сын был – и остаётся – ветераном войны. Большие пятидесяти лет я не получала от него никаких известий, но, думаю, он жив. Не понимаю, почему он не даёт о себе знать. Мне уже за девяносто, надеюсь, Вы сможете мне помочь?

Так начиналось это письмо. Постепенно до него дошло, что оно может иметь отношение к совершенно другому делу. Но подобное совпадение настолько невероятно, что это, скорее всего, просто чья-то шутка. Поговорить с директором? Но если письмо подложное, будет неприятно выставить себя на посмешище, продемонстрировав такую доверчивость.

Историком Хенрик Сигернес был не самым известным, возможно, потому, что выбрал в качестве специализации очень узкую область – гражданские преступления в Северной Норвегии во время Второй мировой войны, сыск и сотрудничество с оккупационными властями. Когда-то он думал, что эта тема привлечёт внимание широкой общественности. Но нет. Людей интересовали главным образом Сопротивление и всевозможные несправедливости, выпавшие на долю норвежского народа во время и после войны. Директор его предупреждал, что в глазах многих все эти финансовые махинации на фоне борьбы за освобождение Норвегии – пустяк. К тому же люди плохо воспримут похвалу в адрес немцев и сторонников тогдашнего премьер-министра Квислинга, пусть даже заслуженную.

Вообще-то Хенрик Сигернес мечтал о работе в университете Тронхейма. Там было профессиональное сообщество, в котором он мог бы развернуться: провести параллели с обстановкой в Европе сегодня и в прошлом, написать книгу. Возможно, со временем стать профессором. Он никак не мог понять, почему коллеги из Тромсё не видят в области его ин-

тересов ничего захватывающего. Ну разумеется, с началом оккупации норвежцы не превратились все разом в законопослушных граждан. Преступность никуда не делась: угоняли велосипеды, в магазинах случались мелкие кражи, существовали чёрный рынок и незаконная торговля, грабежи и убийства. В неразберихе, вызванной приходом немцев к власти, легко было скрывать серьёзные преступления.

Общая растерянность почти парализовала жизнь гражданского населения. И тех, кто ничего не понимал и пытался жить как прежде, и тех, кто понимал всё слишком хорошо и ничего не хотел предпринимать. Обманщиков и жуликов, идеалистов и простаков. И повсюду страх, который высасывает из души все силы и волю к борьбе. Кто это притаился за шторой? Можно ли доверять той, которая всё время задаёт столько вопросов? Кто-то что-то сказал? Кто-нибудь что-нибудь видел? Страх и неизвестность стали частыми гостями в каждом норвежском доме.

Так почему его коллеги не могут понять, какой нелепой и трудной была в те годы работа полиции? Как разговаривать свидетелей? А трупы, которые обнаруживали в морском прибое, в горах, в сгоревших домах? Кто они? Павшие солдаты? Или партизаны?

Было тогда одно дело – вернее, целая череда дел – которое особенно его занимало. В начале марта 1941 года в старой заброшенной церкви на отшибе у реки Пасвикэльва был убит

священник. На месте побывал ленсман⁴ старой закалки – основательный, терпеливый и дотошный. Не похоже, чтобы он симпатизировал нацистам, поэтому расследование наверняка продвигалось очень непросто. Он, конечно, сотрудничал с оккупационными властями. Полицейской работе это вроде бы не мешало.

Историк наткнулся на протоколы следствия по этому убийству среди документов по нескольким делам, которые ленсман, выйдя на пенсию, забрал с собой, сложил в большие картонные коробки и убрал на чердак. Спустя несколько лет он отослал коробки в Государственный архив в Тромсё, а те дали знать Сигернесу, поскольку были в курсе его профессиональных интересов.

Оказалось там и это дело, а от него тянулись ниточки к другим неразгаданным убийствам и кражам. Сигернес работал как одержимый, сидел над бумагами с утра до поздней ночи, осторожно разбирал папку за папкой. Другой исследователь, вероятно, выжал бы из материалов гораздо больше в собственных интересах. Сигернеса же интересовали детали, поэтому работал он медленно и в специальных журналах почти ничего не публиковал. Такой уж у него был характер, и потому-то, наверное, он и не получил того профессионального признания, которого, по собственному мнению, заслуживал. Но если письмо, лежащее у него на столе, не подделка, то он, похоже, наконец сделал блестящую находку.

⁴ Полицейский и административный чин в сельских местностях Норвегии.

ку. Публикация наверняка привлечёт внимание коллег, поскольку письмо связывает воедино два события – жестокое убийство, совершённое на севере Норвегии, в Финнмарке, в марте 1941 года, и налёт немцев на два норвежских судна, «Исбьёрн» и «Селис», у берегов Шпицбергена в мае 1942 года.

Несколькими неделями раньше в Полярный музей Тромсё пришло приглашение от организации, называющей себя Союзом ветеранов войны в Арктике. Вдохновитель создания этого общества был в музее частым и уважаемым гостем. Он то и дело заглядывал со всевозможными советами и предложениями по улучшению экспозиции. Одной из многочисленных обязанностей директора музея было привлечение в их небольшую организацию самых разных людей, однако иногда даже у него не хватало на всех терпения. Поэтому письмо отправилось к Сигернесу с припиской: «Хенрик, можешь взглянуть? Нам нужно участвовать?» Ни на какую поездку на Шпицберген в начале лета у директора времени не было.

А историка встреча на Шпицбергене, о которой шла речь в письме, заинтересовала. Задумывался международный сбор ветеранов войны, участвовавших в одной конкретной операции на Шпицбергене. Во-первых, его поразило, что приглашены все, кто имел непосредственное отношение к трагедии затонувших кораблей, а это больше восьмидесяти человек. К посланию был приложен список возможных

участников, содержащий, помимо имён, адреса и телефоны. Он быстро сообразил, что большинства участников уже нет в живых. Как-никак многим из них в сорок втором было уже за двадцать. Но Сигернес со свойственной ему дотошностью начал собирать сведения обо всех упомянутых лицах.

В прошлом мертвецов копать удивительно легко. Смерть открывает свободный доступ к письмам, дневникам, газетным вырезкам и прочим бумагам, которые живые едва ли выпустят из рук. Он звонил родственникам и друзьям, говорил, что он историк и специализируется на военных действиях в Арктике во время Второй мировой. Отвечать на его вопросы соглашались почти все. И даже непосредственные участники событий, которые ещё были живы, высылали ему старые письма, фотографии и другие материалы. Теперь на его столе высилась гора документов.

Директор был доволен, председатель Союза ветеранов войны в Арктике – признателен, а губернатор Шпицбергена и отделение береговой охраны обещали своё содействие. По всем признакам, мероприятие должно было пройти без сучка и задоринки. Пока не пришло письмо из Йёвика.

Откинувшись в кресле, Хенрик Сигернес смотрел в потолок и размышлял обо всех осложнениях, которые влекло за собой обращение старой женщины. Неужели в не очень длинном списке участников встречи на Шпицбергене действительно содержится имя семидесятипятилетнего убийцы?

Эмма Роуз открыла неприметную низкую дверь в углу на втором этаже. С тех пор как она в последний раз поднималась на чердак по крутой и узкой лестнице, прошло уже несколько лет, и выключатель она нашла не сразу. В воздухе висела пыль. Окошко в маленькой мансарде было сделано лишь для того, чтобы украшать наружный фасад, а вовсе не для того, чтобы пропускать свет или вдохновлять на перепланировку чердака в жилую комнату. И всё-таки оно и изнутри смотрелось красиво.

В углах и вдоль стен были составлены самые невероятные вещи. Но посередине было почти свободно, если не считать старомодного чемодана, застёгивающегося на узкие кожаные ремни. Перед чемоданом лежал коврик, сложенный в несколько раз, чтобы удобнее было сидеть. Когда матери Эммы хотелось побыть одной, она поднималась сюда. В чемодане хранились вещи отца, оставшиеся после его гибели на Шпицбергене; мать их берегла. Сейчас Эмме предстояло открыть чемодан в первый раз после смерти матери.

Запах пыли и старой ткани в первый момент заставил её отвернуться. Сверху лежало зелёное шерстяное пальто. Его Эмма отложила в сторону. Под ним хранился военный берет, украшенный позолоченной лентой и круглой бляхой Королевского Камерон-Хайлендерского полка. Джордж Фрей был офицером связи. В большом пожелтевшем грязном конверте хранились письма, некоторые до сих пор в конвертах. А в

самом низу, в углу, прятался маленький тонкий металлический цилиндр. Но он подождёт. Сначала она прочтёт письма.

Когда вечером вернулся Себастьян, Эмма снова сидела за кухонным столом. Но на этот раз она его ждала и сразу перешла к делу:

– Почему ты не говорил мне, что знал отца? Я нашла его письмо к матери. Он пишет о тебе. Ведь не мог же он знать другого Себастьяна Роуза, которому в сорок первом было восемь лет?

Союз ветеранов войны в Арктике проводил свои полугодовые встречи в конференц-зале Полярного музея Тромсё. Зал был рассчитан на пятьдесят мест и заполнялся до отказа, если выступал популярный докладчик. Но сейчас в зале сидело всего несколько человек, и хотя никто не произнёс этого вслух, у всех было ощущение, что собрание может не состояться.

Прежнего руководителя, как всегда, переизбрали на новый срок – голосовали, поднимая руки. Подтвердили полномочия казначея. Выслушали финансовый отчёт. А потом началась трудная часть программы – планирование последней встречи на Шпицбергене, приуроченной к международному собранию в память гибели норвежских судов «Селис» и «Исбьёрн». Поступило предложение после завершения торжества Союз ветеранов распустить.

– С годами выбираться на заседания становится всё труд-

нее, что правда, то правда. Скажем спасибо нашему Якобу за то, что он старался менять место встречи, подлаживался под нас, но вот взять и распустить Союз ветеранов – разве это не перебор?

Все участники знали, что это выступление затянется. Многолетний член правления союза, бывший шахтёр и ветеран войны Петер Ларсен приложит все силы, чтобы общество продолжало существовать. Он подготовил контрпредложение, по которому члены семьи и наследники также могли становиться членами союза.

После небольшой дискуссии, в ходе которой так ни до чего и не договорились, этот вопрос снова был отложен. На Шпицбергене соберётся больше членов союза, возможно, тогда всё и решится. Однако они думали об одном и том же: уж очень это похоже на обсуждение собственных похорон. И даже кофе с булочками, по указанию директора всегда подаваемый после заседания, не мог развеять всеобщей грусти и уныния.

Глава 3. Единственный свидетель

Они сели в автобус. Народ глазел на странную пару: саам в рабочей одежде – в заглазненной коричневой кофте, с ножом в ножнах на поясе, в сапогах, примотанных к ногам кожаным шнуром. И белобрысый мальчишка, большеглазый, перепуганный. Но напугал его явно не саам. Мальчик прижимался к грязной кофте и время от времени что-то тихо ему говорил. Саам молча качал головой, а один раз ответил: – Потерпи немного. Мы почти приехали.

Впереди сидело несколько немецких солдат. Но, несмотря на малое количество пассажиров и относительно тёплую погоду – около двух градусов ниже нуля, автобус даже самую маленькую горку преодолевал с трудом. Перед каждым препятствием шофёр жал на тормоз, выходил из автобуса и производил какие-то манипуляции с газогенератором, после чего автобус дотягивал до вершины холма. На спускавшемся к реке склоне, с которого ветер сдувал снег, жёлтыми пятнами торчали пучки прошлогодней травы. Сильно промёрзшая земля оттаёт только через два-три месяца, но на идущих поверху участках дороги уже стало скользко из-за инея, который намерзает на щебёнке ночью и тает днём.

Миккель Сирма и мальчик сошли в Сванвике. Они быстро дошли до здания полиции – вытянутого в высоту деревянного дома, где у ленсмана была и приёмная, и небольшая

квартирка на втором этаже. Ленсманом был молодой парень, и все в округе знали, что границы между личным пространством и рабочим местом для него не существовало. Если после звонка в дверь он не открывал, посетители просто заходили внутрь и садились ждать.

Когда ленсман Кнутсен спустился из своей кухни, держа в руке кружку с кофе, Миккель Сирма и мальчик уже стояли посередине его кабинета. Ленсман не слышал, как они вошли, и поэтому вздрогнул. Саама он знал и считал человеком честным и порядочным. Но кто этот мальчик?

– Лучше ленсману съездить в старую русскую церковь ниже по реке, – негромко сказал саам.

– А к маме мы не поедим? – Мальчик потянул его за кофту. Его личико сморщилось, он готов был разрыдаться. – Папа сказал, чтобы я сразу шёл к маме, а прошло уже много времени.

– Это сын священника из Гренсе-Якобсельва. Они с отцом поехали проверить наши церковные дома, те, в которых не служат.

– А сам священник?

Но саам только головой покачал и повторил, что ленсману надо ехать в церковь как можно скорее. Есть же у ленсмана машина. А они сами сначала на автобус сядут, а потом на лодке доберутся до Гренсе-Якобсельва, и мальчик будет дома.

От Сванвика до Киркенеса было больше десяти миль. Ленсман был доволен, что его участок находится далеко от центрального отделения. Однако даже малонаселённую Пасвикскую долину наводнили немецкие солдаты. У финской границы что-то затевалось.

Восточный Финнмарк был поделён на одиннадцать полицейских участков, но собственное отделение имелось не у всех, а только у самых крупных. Участки поменьше, такие как Пасвикская долина, имели только ленсмана, совмещавшего обязанности полицейского и гражданского чиновника. Прежнего начальника полиции, возглавлявшего отделение в Киркенесе, сместили перед самой оккупацией, и на его место пришёл новый человек, имевший связи в партии «Национальное единство». Новому человеку и должность дали новую – президент полиции.

В связи с перестройкой административного аппарата ленсману выделили служебный автомобиль – чёрный опель «Олимпия 38», почти новый и, к счастью, без газогенератора. Немецкая машина была ему отвратительна, он даже думать не хотел о том, где её могли конфисковать и кто был прежним владельцем. Но, как ни крути, выбора у него всё равно не было. Можно было уволиться. Да только в остальной Норвегии дела обстояли не лучше. Или можно было продолжать делать работу, которую он делал последние пять лет, по возможности защищая людей от злоупотреблений нового режима.

В церкви случилось что-то серьёзное, но Миккель Сирма рассказывать об этом отказывался. Твердил, что ему надо в Гренсе-Якобсэльв, отвезти мальчика. Время было уже позднее, и мать наверняка начала волноваться. Ленсман понял, что ему ничего не остаётся, как отпустить обоих.

Вдоль Пасвикэльвы, которую финны называют Патсойоки, а русские – рекой Паз, шла узкая дорога. Автомобиль ленсмана то и дело буксовал в колеях. Несколько раз он останавливался, пропуская немецкие грузовики. Первые солдаты появились в Финнмарке прошлым летом. Люди не знали, чего ждать от оккупации, но в том, что жизнь сильно поменяется, никто не сомневался. Действительность превзошла худшие ожидания. Продуктов и других товаров первой необходимости стало так мало, что некоторые узнали настоящую нужду. Как правило, люди помогали друг другу, но велась и подпольная торговля. Немцы были повсюду, их расквартировывали в жилых домах, селили в огромные, возведённые наспех казармы. Хуже всего было в Киркенесе.

Когда ленсман добрался до церкви, уже почти стемнело. На дороге он увидел следы автомобиля и несколько цепочек человеческих следов, идущих к входной двери. Но возле старых бревенчатых стен никого не было. Ленсман никого и не ждал увидеть: Миккель предупредил его, что по дороге в Сванвик никому об увиденном в церкви не говорил.

– Есть тут кто? – Вопрос прозвучал как-то неуверенно. Вокруг витала тревога. Он заставил себя открыть дверь. По-

светил внутрь фонариком. И увидел то, о чём не хотел говорить Миккель Сирма. Да и не мог никакой рассказ подготовить к чудовищному зрелищу.

Вернувшись в Сванвик, он сразу позвонил в Киркенес, в тамошнее отделение полиции.

– Никто не берёт трубку, – ответили на станции. – Попробовать позвонить кому-нибудь из сотрудников домой?

Но у них просто обязан сидеть дежурный. Киркенесское отделение было большим, сотрудников там хватало. Он попросил попробовать ещё раз.

Ленсман напряжённо думал, что ему следует сказать и как лучше представить дело. Времена были такие, что лучше бы никаких трупов вовсе не находить, ведь расследование чужих секретов могло завести в очень неприятные места. Но теперь уже ничего не поделаешь. Он сидел, уставившись на тяжёлый чёрный телефон с официальной полицейской отметкой, поставленной новым Департаментом снабжения. Размышлял о том, кому понадобилось убивать священника из Гренсе-Якобсельва.

С пятой попытки удалось дозвониться до старшего инспектора. Ленсман был предельно краток: обнаружен труп мужчины, его зарезали ножом в заброшенной русской церкви к юго-западу от Нирюда. От ответа на вопрос о том, кто сообщил об убийстве, он постарался уклониться. Сказал, необходимо продолжить расследование. Пока информации

недостаточно. Относительно мотива догадок нет. Место преступления законсервировано, сказал он, вспоминая клочок бумаги, который повесил на дверь. Инспектор что-то записал, доклад ленсмана вполне его удовлетворил. Время уже перевалило за девять вечера. Так что до утра они всё равно ничего предпринять не могли.

Ленсман положил трубку, запер приёмную, сел в машину и отправился в Гренсе-Якобсэльв. Домик священника ютился на самой окраине посёлка. Он был ровесником стоявшей неподалёку часовни короля Оскара II, громоздкой каменной постройки прошлого века. В окне кухни горел свет. Сидевшие там люди забыли опустить занавески.

Ребёнка разбудили. Мать сказала ему, что пришёл ленсман. Он хочет его кое о чём спросить.

– А где папа? – спросил мальчик.

На самом деле он знал, где папа. Но ему так хотелось услышать от мамы, что всё в порядке и папа дома. Он желал всей душой, чтобы произошедшее оказалось дурным сном, чтобы того, что он помнил, на самом деле не было. Но глаза у мамы были красные и опухшие. Она притянула его к себе и посадила на колени. Он вдыхал её запах, такой родной и тёплый, и думал, что теперь ему нужно молчать.

Кухня в доме священника была маленькой, но уютной и чистой. Окно выходило на дорогу, под окном у стены стояла длинная скамья, а на скамье – цинковый таз с сохнущей на

краю клетчатой тряпицей. На другом конце кухни был угловой трёхстворчатый шкаф. Одну из створок забыли закрыть, и на открытой полке виднелась фарфоровая чаша с крышкой в виде ярко разрисованной курицы. У другой стены располагались потёртый кухонный стол, выкрашенный голубой краской, и четыре стула. Скатерть давно перешли в рубашку, так что теперь скатертью служило кухонное полотенце, расстеленное на середине стола.

Ленсман и саам Миккель Сирма сидели за столом и пили чай из листьев чёрной смородины, присланных жене священника с юга.

– Ты сегодня далеко от дома побывал. – Говоря это, ленсман и не надеялся, что ребёнок ответит. Хорошо видел, насколько тот напуган. – В Сванвике, верно? Мальчонка кивнул. – Ходил в церковь вместе с папой? – Новый кивок. Ленсман кашлянул и задумался. Придумать следующий вопрос он не успел.

– Папа сказал, я должен пойти к Миккелю на становище, а потом спешить домой, потому что я нужен маме. Папа так сказал. – Говорил он негромко, а потом уткнулся лицом в мамину вязаную кофту.

– И ты сделал, как папа велел? Ты всё правильно сделал. А по дороге ты кого-нибудь встретил? Видел каких-нибудь людей?

Мальчик покачал головой и заелозил у матери на коленях. Потом моргнул, привстал и прижался к её лбу щекой. Стран-

но взрослый, оберегающий жест. Было что-то, о чём он не хотел говорить.

Ленсману не верилось, что мальчик видел убийство. Миккель Сирма сказал, что к ним на становище мальчик не прибежал, а пришёл спокойным шагом, волоча за собой шерстяной плед. Во время долгой автобусной поездки он не плакал и ничего особенного не говорил. Ещё бы ему не чувствовать, что случилось неладное, – отец ведь домой не вернулся.

Но что-то мальчишка всё-таки видел. Ленсман вздохнул. Процедуру надо соблюдать. С ребёнком он поговорил – дело сделано. Ну а что будет, если станет известно, что мальчик может опознать убийц? Нет, лучше придерживаться его собственного объяснения и дальше не спрашивать. Он позволил матери уложить сына обратно в кровать.

Ребёнок не спал. Он прислушивался к разговору на кухне. Он упрямо повторял чужим людям, что ничего не видел и не помнит, но это была неправда. Мальчишка задумался о том, враньё это или нет, если чего-то не рассказываешь, когда тебя спрашивают. На самом-то деле он видел. И хорошо запомнил двух мужчин.

Пока мальчик бежал из церкви к становищу Миккеля Сирмы, он успел забыть, зачем отец его туда отправил. Плед пригодился, чтобы укрыть маленького белого оленёнка: его мать умерла, и в стаде с ним не церемонились. Оленёнок наверняка замёрз, мальчик по себе знал, как холодно бывает малышам. Даже зайдя внутрь жилища, он продолжал дро-

жать от холода, и ему налили мясного супа. Миккель спросил, почему он один, и мальчик рассказал, что отец отправил его в становище, а сам остался в церкви. Он гордился тем, что смог в одиночку отыскать дорогу.

Миккель сказал, что им надо пойти в церковь и поискать отца.

– Священник – он что, заболел? С кем он там? – спросил кто-то из сидящих за столом. Мальчик не ответил. Только ещё глубже уткнулся носом в чашку с супом.

Потом Миккель и мальчик пошли к церкви. Им сразу бросилось в глаза, что машина священника пропала. И что входная дверь не закрыта. Огонь в печке погас, и внутри было темно. И холодно. Миккель велел ему подождать в сторонке. Но мальчик упорно шёл за ним и видел кровь на стенах. И тёмную кучу на полу в углу тоже видел.

– Подожди снаружи, слышишь? Стой здесь, у стены, – повторил Миккель. А сам вошёл внутрь и довольно долго не возвращался. Когда он наконец вышел, то сказал, что они должны вернуться в становище, а оттуда спуститься на дорогу. Твоего отца тут нет – объяснил саам. Так что пора ехать к маме. Надо поторопиться на автобус.

Но прежде следовало заглянуть к ленсману в Сванвик. Пока они ходили по делам, автобус уже ушёл, и пришлось ждать следующего. До дома священника они добрались затемно, на небе уже показались звёзды. Мама сидела у окна на кухне. Когда она к ним повернулась, лицо у неё было со-

всем белое – она ждала своих мужчин уже много часов. И сразу поняла, что с мужем что-то случилось.

– Его арестовали?

Известное дело, священник многих раздражал. Женщина схватилась за горло, как будто ей стало нечем дышать. Миккель Сирма покачал головой, но по его взгляду она всё поняла и покачнулась. Он кивнул на мальчика. Мать опустилась на корточки и крепко обняла сынишку.

– Мама, не надо плакать, я вёл себя хорошо. Шёл совсем один и нашёл дорогу. А где папа? Он уже дома?

Стоило ему об этом спросить, как он тут же всё вспомнил и зарыдал. Мама дала ему тёплого молока, раздела и уложила в кровать. Ребёнок тут же заснул.

– Я предупредил сванвикского ленсмана, – сказал Миккель Сирма и уселся на кухне ждать, когда перед домом за- тормозит машина с полицейским.

Глава 4. Следователь из прошлого

Кнут Фьель сидел на кровати в гостиничном номере и перелистывал старые бумаги из папки историка. Дубликаты, сделанные по старинке, под копирку. Местами букв уже было не разобрать, скоро они совсем исчезнут. У него в руках оказались дела, которые расследовались задолго до его рождения. И всё-таки в этих пожелтевших листках что-то было. Ему даже казалось, что он узнаёт старый рапорт и человека, который его написал. Как будто какое-то смутное воспоминание или дежавю.

– Ну? Что ты об этом думаешь? – Хьеллю, советнику губернатора по культуре, надоело ждать, пока Кнут что-нибудь скажет. Он сидел в одном из двух гостиничных кресел, подбрасывал в воздух арахис из открытой коробочки и пытался ловить орешки ртом. Половина оказывалась на полу. Историка из Тромсё, который в этом номере жил, это, похоже, сильно раздражало.

Хьелль Лоде считал, что историк зря так серьёзно относится к невнятным утверждениям пожилой женщины, которой просто хочется верить, что её сын жив. У него не нашлось времени, чтобы как следует изучить содержимое папки прежде, чем звонить Кнуту Фьелю. Самолёт с Большой земли только что приземлился, и дел у него было по горло – ветеранов надо было встретить и заселить в отель «Северный

полюс», а за порядок отвечал именно он. Лоде поднялся.

– Я пойду. Так ты готов завтра читать доклад прямо с утра? Это будет в Доме, а не здесь, не в отеле.

Повернулся к Кнуту.

– Может, поужинаешь с нами вечером? Глянешь на участников встречи. Не то чтобы я поверил в какой-то риск или во что-то подобное. Но на всякий случай?

– Риск? – повторил Кнут. – На всякий случай? Но одним вечером можно и пожертвовать. Других планов у него всё равно не было.

Когда советник губернатора ушёл, повисла неловкая пауза. Историк явно был не в своей тарелке. Они заговорили разом и смущённо улыбнулись.

– Ладно, ты первый, – сказал историк.

– Я вот думаю, ты правда веришь, что это дело для полиции? Почему ты, собственно, связался с Хьеллем? Мероприятие вполне могло пройти тихо и мирно – если бы ты никому ничего не сказал. Ты единственный считаешь, что один из участников не тот, за кого себя выдаёт. Думаешь, он опасен? Представляет угрозу для остальных?

Историк немного смутился.

– Не знаю, что и думать. Когда будет время, прочти старые рапорты пасвикского ленсмана. Увидишь – этот парень на мелочи не разменивался. Мы говорим об убийствах, и жестоких. Возможно, их было несколько, на это указывают рапорты. А потом – летом сорок первого – они внезапно пре-

кратились. Я заинтересовался этим делом, потому что мои исследования показывают: гражданский сыск во время Второй мировой войны был делом нелёгким. Особенно в Финн-марке. Население Сёр-Варангера в то время едва ли достигало десяти тысяч. Но когда началась оккупация, в первые же несколько месяцев в Северную Норвегию было переброшено больше двухсот тысяч немецких солдат. Хуже всего дела обстояли в городах, в частности, в Киркенесе. А...

Историк оборвал себя на полуслове. Вздохнул.

– Прошу прощения, тема войны на севере очень меня интересует. Могу говорить об этом часами. А у тебя, конечно, совсем нет времени?

– Действительно нет, – улыбнулся Кнут. – А папку не одолжишь? Всего на один вечер? Верну обратно завтра прямо с утра.

– Конечно, бери. Хьелль Лоде прав: к встрече это дело никакого отношения не имеет. Так что бери. Только будь с документами осторожнее. Это ведь оригиналы – насколько мне известно, других копий нет. Я, конечно, всю стопку сфотографировал, только настоящих бумаг микрофильм не заменяет – у них есть свой запах, и ещё, знаешь, это особое ощущение от старой выцветшей бумаги, когда держишь её в руках.

Сотрудник Полярного музея начинал Кнуту нравиться. Ему импонировало внимание к деталям, в котором он узнавал себя. Внешнее же сходство ограничивалось самыми об-

щими чертами: светлые волосы, средний рост, непримечательная внешность, возраст – тридцать с небольшим. Но по каким-то неявным приметам они друг друга опознали: ни с одним другим участником встречи Кнут бы не стал на прощание хлопать себя по колену и говорить: «Окей, тогда до вечера?»

Они состарились, приходится это признать. Такая мысль пришла в голову каждому, кто сидел у камина в холле отеля «Северный полюс» и пил кофе. Но дело было не только в этом. За последние пятьдесят лет неуклонно растущее качество жизни так поменяло повседневный уклад, что и сами они изменились, стали другими. И всё-таки в каждом оставалось что-то от того молодого шахтёра, которым он был когда-то.

Живой и языкастый Тур Олуфсен, который едва не погиб во время бомбардировки «Исбьёрна» и «Селиса», рвался в город искать знакомых, а на официальную программу он чихать хотел. Якоб Кремер – прежний глава профсоюза, который сначала выступал против эвакуации Шпицбергенского шахтёрского посёлка Лонгиер, а потом, по необъяснимой причине, был против его освобождения в ходе операции «Фритхам», – снова чувствовал себя обязанным всех организовывать.

«Ясное дело, – думал Один Эриксен, никак наш Якоб руководит Союзом ветеранов. Только его стараниями мы и со-

брались».

Тем не менее приглашать немцев и англичан придумал все не Кремер. С этим предложением выступил Тур Олуфсен несколько недель назад на встрече в Тромсё. Он тогда сказал так:

– Не пора ли нам оставить прошлое позади? Разве будет на земле когда-нибудь мир, если даже спустя столько лет мы не можем покончить с враждой? Значит, одни всегда будут ненавидеть других. Но ведь и они, немцы, просто выполняли свой долг, ну, многие из них?

Ответом ему была тишина. Потом Петер Ларсен сел на пол и сказал, что хочет для начала услышать извинения, а потом он ещё подумает, кого и за что простить. Разгорелся спор, потому что нашлись среди них и те, кто считал, что норвежцам тоже есть за что просить прощения.

Предстоящую встречу чуть было не отменили, но дело спас Харальд Ольдерволл, десятник одной из шахт, который встал и спокойно сказал:

– Хочу увидеть Шпицберген в последний раз. Хочу снова спуститься в забой, чёрт возьми, а вы поступайте как знаете.

Вот так всё и устроилось. Подразумевалось, что участники могут делать что хотят. Но Якоб Кремер ненавязчиво уговорил всех пойти по крайней мере на доклад об операции «Фритхам», который должен прочесть историк из Полярного музея, а также ради приличия присутствовать на поминальной службе в Грен-фьорде.

Губернаторское управление Шпицбергена находилось на Шэринге – возвышенности, с которой открывался вид на кварталы Лонгиера. Но офис Кнута располагался на стороне, выходящей к заброшенной станции канатной дороги, по которой когда-то переправляли уголь из шахт на погрузочную пристань, – унылая и гнетущая картина. Демонтировать станцию не стали, и она так и осталась стоять – одинокая крепость доисторических времён на высоких железных ногах.

Но менять офис Кнут не хотел и от комнаты в другом крыле на солнечной стороне с видом на простор Ис-фьорда отказался. В его углу между архивом и закутком с кофе-машиной было тихо, сюда не доходили шум и суета из конференц-зала и губернаторского кабинета.

На Шпицберген Кнут впервые приехал около года назад, получив на лето сезонную должность полевого инспектора. Все знают, как трудно на такое место попасть. Два друга детства, два паренька из Энгердала ради шутки отправили заявки. Оба получили положительный ответ и провели на западном побережье архипелага полное приключений лето. А когда лето кончилось, Кнут остался на архипелаге.

– Больше всего похоже на влюблённость, – пробовал он объяснять Турбьёрну, который теперь служил начальником природоохранной службы в Фемуннском национальном парке.

– Скорее уж на одержимость, – отозвался Турбьёрн.

Заразная шпицбергенская бактерия. Однако Кнут должен был признать, что в последние месяцы лихорадка пошла на убыль. Он начинал скучать, если уж быть до конца откровенным. Повседневная рутина делала своё дело. Молодой полицейский всё чаще застывал у окна, следя за переменой погоды. Думал о том, что нужно только выйти наружу и надеяться, что неожиданное происшествие поможет стряхнуть с себя оцепенение.

Офис Кнута мало-помалу менял свой первоначальный вид. Его любимый полевой инвентарь постепенно оккупировал верхушки книжных полок и крюки, вбитые в стены. Не отставали от приборов и сувениры, которые он привозил из поездок по всему архипелагу. Великолепные олени рога и найденные на пляже деревянные буквы с выжженными русскими буквами. Тюленья шкура на рабочем кресле. Карта Шпицбергена позади стола.

В управлении губернатора было непривычно тихо. Он услышал, как на парковку въехал автомобиль, затем открылась и закрылась дверь. Не прошло и нескольких минут, как мотор снова завёлся и автомобиль поехал дальше. Кнут взглянул на часы. Время шло к четырём. Конец рабочего дня.

На письменном столе громоздились стопки бумаг и папок. Куча незначительных дел, за которыми можно скоротать время. Но тут в открытую дверь просунулась голова То-

ма Андреассена, его шефа.

– Ну? На выходные за город?

Кнут подавил вздох. Он прекрасно понимал своего начальника: глава недоукомплектованного полицейского участка от всей души надеялся, что Кнут зацепится здесь, останется в штате и не поддастся зову Большой земли. Но было бы лучше, если бы личной жизнью Кнута шеф интересовался чуть меньше.

– Какой-то ты кислый. – Том Андреассен уже был в офисе целиком и усаживался в потёртое кресло. – Я просто подумал, чем бы ты мог заняться. Раз уж есть свободное время.

– Да уж, наконец-то. Первые выходные с самой Пасхи. И коль скоро ты сам об этом заговорил, так больше продолжаться не может. Ты должен поговорить с губернатором о том, чтобы нанять кого-нибудь на вакансии, которые у нас есть.

Этот разговор повторялся уже много раз. Том Андреассен закричал – верный знак, что затронули его больное место.

– Ты знаешь, когда молодые ребята приезжают сюда, на Шпицберген, они оказываются перед выбором. Никто им прямо ничего не говорит, просто так оно есть. Можно вернуться на юг. Спустя год многие так и поступают. Получили что хотели – полярную ночь, полярное сияние, снег и холод. Сделали тысячи фоток, добыли себе песцовую шкурку или две, покатались на собачьей упряжке, полазили по ледникам. Можно уезжать. Хочешь так же? Поработал на губернатора,

пережил зиму и теперь думаешь, что всё уже видел?

– Нет.

– Нет, похоже, что нет. Многие из нас не понимают, почему они здесь. Взять, к примеру, нас с женой. Она ведь здесь родилась и в другом месте никогда не жила. А сам я в Лонгиере вот уже восемь лет. Четверо детей у нас. И мы сидим здесь. Шпицбергенская бацилла, как некоторые говорят. Как будто это что-то вроде болезни. А я вот теперь не знаю. Детям нравится в школе, у них там друзья. Да и у нас тоже. А всё-таки подумываем переехать на юг, когда старшему исполнится четырнадцать. Нелегко, конечно. Ведь, как ни крути, тут наш дом. Иногда кажется – тесно, бедно, а всё равно дом.

Кнут не ответил.

– А ещё есть те, кто выбирает холостяцкую жизнь. – Том Андреассен вздохнул и потёр глаза. – Или не может найти себе спутника жизни. И так тоже бывает. Ты, может, скажешь, что в Лонгиер приезжает порой народ, который спасается от чего-то на Большой земле. Кто ищет одиночества, тот бежит сюда, в пустыню. Здесь они находят себе место под солнцем, здесь их принимают.

– И я, по-твоему, из таких? – Кнут повернулся и с улыбкой посмотрел на шефа.

– Нет-нет-нет. Этого я не говорю. – Андреассен смутился. – Но ты должен выбрать. Либо ты семейный, либо холостяк. Два разных образа жизни. И совместить их нельзя.

Пора было менять тему.

– А Хьелль с тобой ветеранов не обсуждал? Я помогал встречать их в аэропорту, и дошла до меня довольно странная история. Этот парень, Сигернес, которого прислал Полярный музей, говорит, что один из участников может оказаться убийцей.

– Ну и? – Том уже поднялся и шёл к двери. – Ничего странного не вижу. Они тут, на Шпицбергене, несколько лет воевали. Мало ли кого убили.

– Нет, убийство произошло на Большой земле. Гражданское преступление, но во время войны. Он говорит, один из них никакой не шахтёр, а убийца, который скрылся от правосудия, выдав себя за другого человека. Вот у меня старые рапорты, которые историк сюда приволок. – Кнут показал папку с документами. – Сам видишь, их тут порядком. Я сказал Хьеллю, что вечером поужинаю с ними в отеле. Присмотрю к собравшимся.

На лице Андреассена отразилось сомнение.

– Звучит подозрительно. Неправдоподобно. Разве другие не опознали бы чужака? Впрочем, если и есть такие дела, то у них давным-давно вышел срок давности. – На пороге он остановился. – Скажи этому историку, чтобы не лез на рожон. Будет очень нехорошо, если во время встречи разразится скандал. У стариков едва ли ещё будет возможность помириться.

Глава 5. Начало расследования

В конце концов ленсмана Кнутсена соединили с начальником полиции в Киркенесе. Но говорить с ним надо было осторожно. У шефа была скверная привычка цепляться за второстепенные детали и приплетать их к какому-нибудь другому расследованию. Чаще всего дело оборачивали против ни в чём не виновных людей, с которыми хотело свести счёты руководство Финнмарка, гревшее руки на незаконной торговле.

– Я прочёл ваш рапорт. – Голос у начальника был скрипучий и неприятный. – Тот, что пришёл с автобусом. Он недостаточно подробный, скажу я вам.

– Тогда вам уже известно, что в посёлке Гренсе-Якобсэльв убит священник. Возможно, это ограбление, которое пошло не по плану. Священнику сорок один, он из Южной Норвегии. Жил в пастырском доме вместе с семьёй – женой и сыном. Тело обнаружено в русской церкви к юго-востоку от Сванвика. В той, заброшенной. Убийство совершено с особой жестокостью.

– Я исхожу из того, что семью вы уже допросили?

– Во всяком случае, я с ними поговорил. Приехал к ним вчера поздно вечером, после осмотра церкви. Место преступления опечатано. Но нам, вероятно, потребуется помощь. Похоже, что убийца – или убийцы – забрали автомо-

бил священника, коричневый форд 1932 года выпуска с газогенератором.

– Мы тут обсудили это дело...

Ленсман поудобнее уселся в кресле. Он знал, что сейчас будет: длинный монолог начальства от лица всего киркенеского штаба.

– В первую очередь мы должны спросить себя, почему священника убили. Может быть, он коммунист? Может быть, он выдавал опасные для государственной безопасности тайны? Ведь эта церковь расположена недалеко от границы?

Ленсман попробовал возразить:

– Да, но по ту сторону границы Финляндия, а не Россия. Как вам известно, финны с Германией не воюют...

– Вероятно, преданные отечеству норвежцы решили, что всему есть предел. Может быть, они поймали его с поличным? Но с ним был сын, как вы пишете? Это обстоятельство следует изучить подробнее. Проще говоря, попробуйте надавить на семью. Был ли священник коммунистом? Я могу отрядить кого-нибудь отсюда в Гренсе-Якобсэльв на лодке, чтобы допросить жену и ребёнка...

Кнутсен снова решил, что пора вмешаться:

– Но мальчишке всего пять. А жена убита горем, понятное дело. Допрос ничего не даст, они только перепугаются. И ничего не расскажут. К тому же...

Голос начальника полиции превратился в лёд:

– Эти жалкие людишки прикрываются женщинами и

детьми. Прячутся среди гражданских и думают, что их это спасёт. Нет, вы слишком мягкосердечны, ленсман Кнутсен. Впрочем, вам простительно. Сколько лет вы на службе в этой пустыне? Пять? Н-да. Но сейчас пришли другие времена. Закон и порядок превыше всего. Мы не позволим предателям Родины прятаться за спинами женщин и детей. Мы этого не потерпим. Они должны понять, что всё бесполезно. Нужен показательный пример. Советую вам выполнять ваши обязанности. А то не заметите, как окажетесь без работы.

– Я только хотел сказать, что существуют и другие, более эффективные способы получить показания. – Ленсман сглотнул. Он балансировал над пропастью начальственных подозрений.

– Ну, поскольку сами вы до этого не додумались, я приказываю вам отправиться в немецкий гарнизон в Пасвикской долине.

Начальник полиции был не из этих мест и не утруждал себя изучением географии вверенного ему округа. Он рассчитывал на повышение и предвкушал скорый переезд на юг.

– Тамошнему коменданту стало известно о шпионе, направляющемся в Сёр-Варангер. Возможно, он уже прибыл. В этом случае немцы должны были перехватить радиосигналы, доказывающие, что в ваших краях кто-то поддерживает связь с русскими. Я жду, что вы приложите все усилия и разоблачите предателя.

Дорога к югу от Сванвика была разбитой и узкой. Колея по обеим сторонам свидетельствовала, что ездят здесь в основном тяжёлые грузовики и гусеничный транспорт. Ленсман старался держаться середины и съезжал на край с сильным недовольством: надо было пропускать немецкие формирования, прибывающие не по дням, а по часам. Он изо всех сил старался думать о них как можно меньше. Лучше сосредоточиться на сегодняшнем дне. Безнадёжное дело – размышлять о том, что все эти солдаты делают в Финнмарке и каким приказам подчиняются. Ни на какую поддержку местного населения такое количество людей рассчитывать не могло. Сколько так будет продолжаться? Нет, лучше не думать. Лучше сосредоточиться на разбитой дороге, на управлении автомобилем. Повернуть к гарнизону, остановиться у ворот в заборе с колючей проволокой поверху – и гнать от себя мысль, что это враг, чьё численное превосходство невозможно даже вообразить.

Затем досмотр автомобиля, личный обыск, допрос и ожидание – ленсман всё вытерпел. Наконец его пропустили. Немецкий лагерь занимал несколько квадратных километров. На расстоянии казармы казались низкими и длинными. Но, подъехав ближе, ленсман понял, что это впечатление обманчиво. Казармы были огромными. Между строениями шли укатанные проезды, а на каждом перекрёстке стояло по столбу с подробными указателями. Дорогу Кнутсену объяснили. Но когда он посмотрел в зеркало заднего вида, то уви-

дел, что следом едет армейский грузовик с вооружёнными солдатами.

Комендант оказался не немцем, а австрийцем, явно гордившимся своей цивилизованностью. С ленсманом он обращался вежливо, чуть ли не виновато. Предложил кофе – настоящий, а не отдающий кислятиной заменитель. Спросил, как ленсман добрался и не досаждало ли ему оживлённое движение.

Ленсман не удержался от вопроса:

– Что вы собираетесь делать со всеми этими солдатами? Ведь и финны, и русские – ваши союзники.

– Это да. – Комендант ненадолго задумался, но решил изобразить открытость. Как-никак норвежец по ту сторону стола состоял на государственной службе. – Да, в сопредельных районах сосредотачивается всё больше воинских частей. Есть определённые планы. Больше я сказать ничего не могу. Непостижимый славянский характер. Всё-таки скандинавы, германцы – это совсем другое. Мы с вами так похожи. Хоть я и вообразить не мог, что заберусь так далеко на север: семья моя родом из Зальцбурга. А тут ни кафе, ни театров, ни концертных залов. Странная штука жизнь, вы не находите?

Комендант, худой человек с тоненькими усиками, казался грустным и одиноким. И усики такие наверняка требуют от него ежедневных усилий, а иначе граница между ними и матовой гладкой кожей утратит свою чёткость. «Сколько же ему лет? – размышлял ленсман. – Наверняка у него в Ав-

стрии остались жена и дети».

Комендант взял себя в руки.

– А ещё этот священник, так? Вы из-за него ко мне приехали? Президент полиции Киркенеса мне звонил. К сожалению, должен вас разочаровать. Священник не был тем человеком, которого мы ищем. «Наш» шпион – не он. «Нашего» обучали в Москве, а потом вернули сюда. Мы полагаем, это кто-то из местных, кто-то здешний. Может быть, вы знаете кого-нибудь, кто подходит под описание?

Ленсман покачал головой. Ему не нравилось, какой оборот принял разговор. И что ему теперь – доносить на соседей и друзей?

Но комендант от него не отставал.

– У кого-нибудь есть возможность прятать радиоаппаратуру? А переезжать с этой аппаратурой с места на место? У кого здесь есть автомобиль? Никого подходящего? – Вздохнув и помолчав, комендант продолжил: – Ну, нет так нет. Но убитый шпионом быть не мог, хоть он и хорошо подходит под описание. Сегодня ночью мы опять засекли радиосигнал. С нового места. А священник в это время был уже мёртв. Нам и в этот раз не удалось определить координаты. Надеюсь, вы понимаете, что разоблачение шпиона – задача первостепенной важности.

– Вы правы. Нет никаких оснований считать, что это убийство как-то связано со шпионажем. Никто не мог знать, что священник будет в церкви. Её никто не посещает, места во-

круг пустынные. Прежде там было большое зимнее становище саамов-скольтов, но это было давно, больше ста лет назад. Сейчас всего несколько семей оленеводов время от времени ненадолго там останавливается. Постояв несколько дней, они гонят стадо дальше. В этом году там стоял Миккель Сирма с семьёй. От него мы и узнали об убийстве – пятилетний сын священника прибежал к нему за помощью. А не то труп обнаружили бы спустя многие месяцы, если не годы.

– М-м-м... – Комендант поднялся. Разговор определённо был закончен, но он добавил, как будто про себя: – Может, его жена что-то знает? И ещё сын. Он что-нибудь рассказал, раз он был вместе с отцом?

Ленсман не сдержался:

– Но это же абсурд! Она даже не местная и вряд ли хоть раз покидала Гренсе-Якобсэльв с тех пор, как они сюда переехали пару лет назад. К тому же автомобиль священника украли.

– Абсурд, говорите? Друг мой, война – это абсурд. Вам необходимо найти шпиона. Тогда всё станет гораздо проще. – Австриец посмотрел на ленсмана с холодной улыбкой.

Кнутсен заставил себя улыбнуться в ответ.

– Посмотрим, что можно сделать.

Но позже, уже сев в машину, за которой следовал по пятам неизменный грузовик, ленсман крепко себя выругал. Как можно было быть таким дураком? Сидеть там и обо всём рассказывать. Каким бы приятным этот австриец ни был, он

всё равно враг. Ни о каком сочувствии с его стороны и речи идти не может. Все слова и поступки ленсмана будут обращены против него самого. Он осознал, что из вдовы священника и его сына будут вытягивать сведения, которыми он сейчас не располагает.

После немецкого гарнизона Кнутсен решил не возвращаться к себе в контору. Вместо этого он выехал на главную дорогу и повернул направо. Вокруг ни души. Сверху серое небо. Узкие шины его опеля пробуксовывали в широких колеях, и лишь по чистой случайности он не улетел в канаву. Нужно ехать очень осторожно: кто его будет вытаскивать, если он застрянет? После поворота ему не встретилось ни одной машины, ни норвежской, ни немецкой.

Свет в церкви не горел, да он этого и не ждал. Однако там, где заканчивалась дорога, снег был изрезан отпечатками шин. А ко входу в церковь кто-то протоптал тропинку. Труп исчез. Место преступления обследовала полиция? И кто же это тогда был, если убийство произошло в его районе и полиция тут – он?

В церкви стояла такая темень, что он сначала вообще ничего не видел. Кнутсен зажёл фонарик. Внутри было совершенно пусто. Старинные церковные картины – за долгие годы растрескавшиеся и выцветшие от переменчивой погоды, покрытые печной копотью, – пропали все до одной. Остались только светлые пятна на бревенчатых стенах и дырки от

гвоздей. Ленсман прошёл дальше. Ничего, как он и думал. Даже железный крюк из стены пытались вырвать. Но он был огромным и вбит глубоко, так что достать его можно было только с помощью топора.

Церковь недавно прибрали или по крайней мере подмели. Ленсман снял шапку и почесал в затылке. Кто это сделал? И зачем?

Он вздрогнул – долгий жалобный крик разорвал тишину. Кричали снаружи, и ленсман даже узнал птичий голос, но всё равно выскочил. Две большие птицы кружили высоко в небе над церковью. Это летели на озеро Бьёрневатн гагары, что-то слишком рано в этом году. И больше ни звука. Ни ветерка, ни малейшего признака жизни – куда ни посмотри. Медленно, словно нехотя, падали с неба снежные хлопья. Скоро все следы людей и машин исчезнут.

Ленсман пешком прошёл по оленьему следу от реки до того места, где всего пару дней назад был саамский лагерь. Вежи⁵ пропали. Только их круглые следы на снегу да почерневшие камни на местах костров говорили о том, что здесь недавно останавливались люди. Оленьи следы уходили на равнину. Но у ленсмана не было необходимого снаряжения, чтобы идти по ним. С вопросами к Миккелю придётся подождать до другого раза, а пока надо дать всем знать, что ленсман хочет с ним встретиться.

Кнутсен вернулся к своей машине, сел за руль. Датчик

⁵ Передвижные жилища саамов из жердей и оленьих шкур.

бензина показывал, что бак почти пуст. Лучше бы поехать прямо в контору. Бензина до Бьёрневатна не купишь, хоть у него, как у госслужащего, и есть все необходимые бумажки. Его норма топлива даже выросла, когда президент полиции в Киркенесе сообразил, что ленсману придётся порядком покататься, пока он будет ловить шпиона, шлющего радиосигналы русским.

Однако у самого Сванвика он вдруг поддался порыву, свернул на грунтовку и поехал в направлении Нирюда. Там на отшибе стояла ферма. Хозяева её были люди необщительные и гостей не жаловали. Ленсман обычно их не трогал и не показывался у них месяцами. Они были бедняками, эти люди, так что, если и шла тут какая продуктовая торговля в обход закона, ленсман предпочитал об этом не знать. Глубокие следы колёс указывали, что и здесь кто-то его опередил.

Было всё-таки что-то странное в бездетных супругах, живших на ферме. Оба сухопарые, спины прямые, лица серьёзные. Всегда сдержанны, отвечают односложно. Но у жены в глазах постоянно мелькает что-то неуловимое: как будто она на пару с мужем играет в игру, о которой пришедший и не догадывается, и ей от этого смешно. Ленсман подозревал, что они частенько продают еду на чёрном рынке – мясо, рыбу, картошку, рожь, морошку.

Наконец на дворе появился хозяин. Ленсман не пытался стучать в кухонную дверь – знал, что бесполезно, да и заперта она. Он вышел из машины, облокотился на капот и

стал оглядываться. Ничего особенного он не искал, но при- таившаяся за кухонной занавеской женщина об этом знать не могла.

– Ну? Что это ленсману у нас понадобилось, а? – мужчина медленно подошёл и сплюнул.

– Вы, может, слышали, что вчера после полудня убили священника из Гренсе-Якобсельва?

– Так его вчера тут не было. Верно, Астри? Этот священник в Нирюд вчера не проезжал. – Он кричал, обращаясь к невидимой жене.

– Ясно, но, я подумал, вдруг вы слышали что-нибудь? Не видели какой-нибудь машины или пешехода на дороге? В Пасвикской долине народу ведь совсем немного.

– Не, мужик, бросай это дело к чёрту. Тут же всё время немцы таскаются туда-сюда. Окажись тут ленсман час назад, спросил бы солдат из гарнизона. Они тут были, на большущем грузовике приехали, верно, Астри?

– Да, о них я не подумал. – Ему и правда раньше не приходило в голову, что священника мог убить немец. – Но я имел в виду других. Граница же рядом. Мог через неё кто-нибудь перейти по этой дороге? А ещё тот, кто совершил преступление, прихватил автомобиль священника. Значит, он должен был ехать на нём в долину по этой дороге, других путей нет.

Мужчина обвёл рукой двор.

– Сам видишь, тут никакой машины нет. Хочешь в амбаре её поискать?

– Нет-нет, я просто собираю показания. Не сомневайтесь, я вам верю.

От ленсмана не ускользнуло, что жена вышла из дома и встала на камне, заменявшем им крыльцо. Руки её были скрещены на груди.

– Священника нашёл Миккель Сирма. Я бы хотел с ним перемолвиться словечком. Если вам случится с ним иметь дело, передадите?

– Так он уехал. Они отправились на летнее становище.

Вечерело. В маленьком хлеву беспокойно завозились овцы. Дневной свет померк, всё посерело. Ленсман почувствовал, что проголодался, и пошёл к машине.

– А его не Сирма зовут, – крикнул ему вслед хозяин, – это прозвище.

– А как же его зовут?

– Борицын. Миккель Борицын. Его дед на русской стороне жил.

Когда ленсман вернулся в Сванвик, в свой узкий деревянный дом, на кухонном столе обнаружился свёрток с копчёной сельдью и стакан морошки. Ленсман обомлел. Дверь-то была заперта. Несмотря на голод, к подаркам он не притронулся. Зато достал из пластикового контейнера кусок немецкого хлеба, намазал его жиром и положил сверху ломтики холодной картошки. Сварил в кастрюле кофе и отправился в кабинет. Стоило немедленно взяться за рапорт, пока в памяти живы все детали. Даже те, которые он не собирался упо-

минать. Киркенесского шефа ведь больше всего интересует его поездка к австрийцу-коменданту.

Зазвонил телефон. По телефону с ним связывались только из главного участка. Значит, надо отвечать.

– Да, Кнутсен слушает.

– Ну, здравствуй. Ты, наконец, дома. Шеф несколько часов пытался до тебя дозвониться. Только что ушёл. И я решил тебя предупредить. Шеф очень зол. Они ездили на ту сторону на пароме, допрашивали вдову. Это было нелегко. – Младший офицер немного помолчал. – Но случилось ещё кое-что. Я подумал, хорошо бы тебе знать об этом заранее, чтобы ты мог подготовиться. Звонил епископ. Оказывается, в церкви хранилась очень дорогая икона. Зануда священник отказывался перевозить её в Киркенес. Говорил, она принадлежит саамам. Верил, значит, всякой ерунде. Так вот, икона-то пропала. И немцы теперь про это прознали. Нас заваляли телеграммами, приказами и контрприказами. А шеф, ясное дело, не хочет быть крайним.

Ленсман вздохнул и поблагодарил киркенесского коллегу за предупреждение.

– А машина священника? Её разыскивают? – успел он спросить, пока офицер не повесил трубку.

– Ах да, машина. Чуть не забыл со всеми этими делами. Нашли её возле немецкого лагеря. Не у того, который в Сванвике. У другого, дальше на юг. Её отогнали к реке, на самый склон. Вроде как спрятали в кустах. А внутри был труп. Па-

рень себе башку разнёс. Наверно, это убийца и есть. И больше ничего. По крайней мере, немцы, которые его нашли, так говорят.

Глава 6. Письмо из Иёвика

Самолёту с Большой земли с погодой повезло. Он сделал круг над старым шахтёрским посёлком Лонгиер на семьдесят восьмом градусе северной широты и стал снижаться. Розы наконец закончили ругаться.

– Господи, какая красота, ты только посмотри! – Себастьян Роуз прилип к окошку. Под ними высились горы и сверкали на полуночном солнце ледники. Эмма достала фотоаппарат. Она, конечно, знала, что снимки выйдут нечёткими, но не могла не щёлкнуть.

– Как ты думаешь, какая из гор Опера?⁶ – спросила вдруг Эмма. Самолёт начал посадку и стремительно пошёл вниз. Эмме пришло на память трагическое крушение российского реактивного самолёта Ту-154, случившееся на Шпицбергене в прошлом году. Перед самой посадкой самолёт сошёл с курса и влетел прямо в гору. На борту был сто сорок один человек. Не выжил никто.

Себастьян Роуз бросил на жену быстрый взгляд. В последние недели она стала непривычно нервной, легкоранимой. Плакала, когда думала, что он не видит, о чём-то надолго задумывалась и не говорила о чём. Обычно такая разумная и отнюдь не сентиментальная. И, может, как раз по-

⁶ Гора названа так из-за своей необычной формы: амфитеатр с горой Тенор посередине.

тому, что они никогда не ссорились, случившаяся размолвка стала потрясением для обоих. Но теперь всё позади – думал Себастьян. Кажется, поездка на Шпицберген подняла ей настроение, она радовалась, что встретит друзей отца.

Когда их автобус остановился у отеля «Северный полюс», было уже поздно, но Эмма ложиться спать не захотела. Она села на край широкой двуспальной кровати и сверкнула на него глазами.

– Другие тоже не спят. Ты разве не слышишь?

Солнечный свет заливал каждый уголок номера. Ветер раскачивал незакрытую створку окна, звякала оконная задвижка. Себастьян вздохнул и задёрнул шторы.

– Эмма, это отель. Ну конечно, кто-то устраивает у себя в номере шумную вечеринку и изо всех сил мешает соседям. А нам с тобой лучше лечь. Семинар начинается рано утром, в девять. Осталось всего несколько часов.

– Встреча. – Эмма говорила рассеянно. – Никакой это не семинар. Мы будем вспоминать мёртвых. Те, кому есть о чём сожалеть, смогут сказать об этом вслух и, возможно, получить прощение.

Она так и осталась сидеть. Не поменяла позы, пока он был в ванной. Наконец произнесла:

– Пожалуй, я пойду прогуляюсь.

– Нет, никуда ты не пойдёшь. Ты не будешь одна ходить по Лонгиеру среди ночи. – Страх за неё накатиł так внезапно, что он не смог сдержаться. И тут же получил обидную

отповедь:

– Не разговаривай со мной таким тоном. Ты врал мне о моём отце. И я должна после этого тебе доверять и тебя слушаться? Ты этого добиваешься, да? Решать всё за всех?

– Эмма, я тебе не врал. Ни разу.

– Да уж. – Лицо её стало пунцовым. – Не врал, пусть так. Но ты далеко не всё рассказал мне о том месте, в которое тебя отправили зимой сорок первого. Ты и сейчас молчишь о том, что скрывал от меня все эти годы. Прикидываешься, что рассказывать больше не о чем. А как это назвать, если не ложью?

– Эмма... – Себастьян не находил слов. Она права. Он о многом ей не рассказал. Острое чувство вины заставило его замолчать. А хуже всего то, что кое-кто из ветеранов знает то же, что и он. От этой мысли его жёг стыд. Тот ветеран там тоже был. И это благодаря ему отца Эммы тогда, больше полувека назад, уволили из лагеря, в котором восьмилетний Себастьян Роуз провёл ужаснейшие месяцы своей жизни.

– Как по-вашему, что самое главное? – спрашивал Тур Олуфсен, бывший шахтёр из Лонгиера. Он подался вперёд в своём кресле, которое успел отхватить, придя в номер одним из первых. Комната была битком набита ветеранами: пришли все. Обнаружился даже один немец. Они смеялись, выпивали, травили анекдоты и вспоминали позабытые случаи. В конце концов разразился спор о цели и назначении

этой встречи. Председатель Союза ветеранов, Якоб Кремер, всё больше отмалчивался. У него были грустные новости для членов общества, но с ними можно было подождать до торжественной встречи в Нью-Олесунне.

Однако Олуфсен был настроен по-другому, считая, что всё достаточно серьёзно. Пора – решил он. Время шло к трём утра. Солнце сделало по небу полный круг, яркий свет вернулся на восточную сторону отеля и теперь бил в приоткрытое окно, выпускавшее наружу табачный дым.

Олуфсен продолжал:

– Мы собрались, чтобы проститься с пережитым когда-то здесь, на Шпицбергене? Или чтобы рассказать о том, что столько лет прятали в своих черепашках? Спрашиваю, потому что не хочу никому мешать. Меня-то оба варианта устроят. Мне всё равно.

– Если не расскажем, эти занозы так на свет и не выйдут. – Харальд Ольдерволл говорил так тихо, что не все его расслышали. Он сидел в глубине комнаты на перевёрнутой корзине для мусора, возле лакированного комода с баром и телевизором.

– Про что смолчим, то с нами в могилу уйдёт. Не то чтобы за мной что-то серьёзное было. А всё ж таки кое о чём и я думал, да.

Советника по культуре при губернаторе с ними не было. Историк из Тромсё давно ушёл спать. Ветераны переглянулись. Они были одни. То, что сейчас прозвучит, останется

между ними.

– Ладно, – сказал наконец Якоб Кремер, – раз уж вы так этого хотите. Но только это должно остаться вне программы. Если начнём выяснять отношения днём, посторонние обязательно вмешаются. В нас вцепится какой-нибудь журналист или писатель, и встреча кончится ещё большей неразберихой, чем начиналась. Однако я согласен, что есть вещи, о которых после стольких лет можно и поговорить. Почти все мы жили, нося в себе боль. Так с чего начнём?

– Если хотите ворошить неразгаданные загадки военных операций на Шпицбергене, убедительно прошу не забыть меня. А также командира эскадрильи Макса Зайферта. У него тоже есть что вам показать. – Немецкий метеоролог внимательно посмотрел на собравшихся. – Как вам известно, в Нью-Олесунне произошёл несчастный случай. Я всегда думал, что та смерть в горах...

– Конечно-конечно, но не будем говорить об этом сегодня. Англичане тоже должны участвовать, без них полной картины не получится. А они прилетают ночным самолётом.

Тур Олуфсен посмотрел на часы.

– Так они приехали уже. Самолёт ведь в час должен был приземлиться? Ну да, с нами их сейчас всё равно нет. К этой истории мы потом вернёмся, ладно? А я, ежели кому интересно, хочу вспомнить, как мы плыли на Шпицберген. На борту «Мунина» в мае сорок первого. Кто-нибудь ещё помнит? – Олуфсен замолчал и уставился в пол, перекатывая в

пальцах самокрутку.

Поднялся председатель.

– Итак, мы все согласились на закрытую встречу после окончания официальной программы – только для ветеранов. Но не сегодня. По-моему, пора ложиться. Через шесть часов в Доме начнётся доклад для жителей Лонгиера. Странно будет, если мы не придём.

Ночное собрание происходило в его номере, и он надеялся, что гости поймут намёк и разойдутся.

Кнут Фьель вскочил очень рано из-за удивительно яркого сна. Всё ещё под впечатлением, он сидел в кровати и щурил глаза из-за слепящего света, заливающего спальню. Оказалось, что он забыл задёрнуть шторы. Было чуть больше пяти утра. О том, чтобы лечь и заснуть, нечего было и мечтать. Это известно любому, кто хоть немного пожил на Шпицбергене: в тёмное время года спишь слишком много, а летом – слишком мало.

Офицер полиции из администрации губернатора, Кнут жил на втором этаже одного из больших домов в Бломюре. Квартира у него была небольшая, зато из окна гостиной открывался фантастический вид на Лонгиер и долину. Он немного постоял, разглядывая все эти острые крыши и разноцветные дощатые стены. Похоже, излюбленная жителями высоких широт архитектурная форма домов – скворечник. И не важно, на севере ты или на юге. Кнут видел похожие

красные, синие и зелёные домики в Гренландии: как будто на ледник наклеены разноцветные стикеры. И в Ушуае, самом южном городе Аргентины, ряд за рядом карабкаются маленькие домишки по крутым горным склонам: фронтоны смотрят на гавань, острые чёрные крыши – как упрямые восклицательные знаки, адресованные океану.

Кнут уселся за кухонный стол и стал ждать, пока сварится кофе. Сон никак не желал рассеиваться. Ему снилось, что он разыскивает реестр с именами. Перед ним бледный человек в чёрной форме, он сидит за непропорционально большим письменным столом. Кнут запомнил охватившие его неприятные ощущения, панику. Найти то, что он ищет, было невероятно важно, это был вопрос жизни и смерти. Кнут догадался, что это живёт своей жизнью в его подсознании старое дело об убийстве. Только вот папка с рапортами, которую ему одолжил историк, при всём своём богатом разнообразии никакого реестра не содержала.

Кнут ходил в гостиную за папкой и разложил её содержимое на столе. Попытался рассортировать документы по важности. На самом верху оказалось письмо пожилой женщины. Написано оно было узким, трудно читаемым старомодным почерком. Он уже несколько раз откладывал его в сторону, но сейчас решил прочесть.

Начиналось письмо именно так, как и говорил историк. Далее было вот что:

Может быть, мои сыновья винят меня в том, что

я не воспрепятствовала их вступлению в немецкую военную бригаду. Их отца давно нет в живых, поэтому скажу как есть. Он был нацистом. И гордился поступком сыновей.

После отъезда мальчиков в Германию мы получили всего два коротеньких письма. Большие всего мне жаль Нилъса. Он был таким доверчивым. Долгое время от них не было никаких вестей, но в конце концов Оттар прислал мне письмо – из Харстада. Он сообщал, что Нилъс погиб в Польше, а сам он сбежал. О том, как ему удалось вернуться в Норвегию, он не писал. Зато писал, что снова отбывает, на этот раз на Шницберген. Он сменил имя, чтобы его не разоблачили немцы. Надеялся в конце концов примкнуть к норвежским военным частям в Англии. Я была очень горда за Оттара и горевала по Нилъсу. К сожалению, не смогла найти этого письма со штемпелем Харстада. Но через несколько лет после окончания войны я получила открытку из английского города Гринок. Как Вы можете видеть, на ней дата – 29 апреля 1942 года, так что она долго лежала у них на почте, пока её не отправили. В ней Оттар говорит, что будет бороться за свободную Норвегию и должен вернуться на Шницберген. Подписи нет. Вкладываю открытку в конверт вместе со своим письмом, но от всей души прошу Вас не потерять её и вернуть мне. Это последняя весточка, которую я получила от Оттара.

Вот и вся моя грустная история. Мне тяжело пришлось во время войны, и после тоже. Но теперь я

могу надеяться, что Вы мне поможете и я увижусь с сыном – или хотя бы узнаю о его судьбе прежде, чем меня самой не станет.

Низкий Вам поклон,

Агнес Волгд

Кнут посмотрел в папке. Никакой открытки в ней не было. Он перетряхнул документы на столе – ничего. Фьель вздохнул и принялся перечитывать первый рапорт, составленный ленсманом из Пасвика, сжатый, но детальный. Датирован он был июнем сорок первого.

Два часа спустя Кнут прибыл в отель. Хенрика Сигернеса он нашёл сидящим за столиком в ресторане. Кнут положил перед историком папку – отдавать её не хотелось.

– Вот, возвращаю, как договорились. Я не так уж много успел прочесть. Рапортов тут прилично. Но ты уверен, что отдал мне всё? Мне показалось, что кое-чего не хватает.

Историк кивнул на свободный стул.

– Возьми себе чашку кофе и присядь. Только мне надо скоро уйти, чтобы успеть на доклад в Доме, – тем более что читать его должен я. Хочу немного подготовиться. А Хьелль Лоде говорит, что народ уже собирается. Только что звонил. Я и не думал, что на Шпицбергене такой интерес ко Второй мировой. Но несколько минут у нас есть. Так чего, ты говоришь, не хватает?

– Открытки, которую пожилая дама из Йёвика приложила

к письму. Её нет в папке.

Историк растерялся.

– Да что ты говоришь? Как странно. Я помню, что открытка в конверте была. Точно помню. Иначе я бы не связал два дела вместе.

– И что ты думаешь? – Кнуту и самому как раз пришла в голову мысль. – Что, если парень, которого ты ищешь, после войны на Большую землю не вернулся, а остался здесь? Тогда среди ветеранов его нет. Но, возможно, он сегодня придёт послушать доклад.

– Напугать меня хочешь, да? Тогда тебе надо идти и слушать самому – а заодно изучать пришедших. Ведь полицейский тут ты. А я просто научный сотрудник.

Однако Сигернес явно был встревожен больше, чем хотел показать.

– Можем поговорить после доклада. Ветераны уедут на шахту, угледобывающая компания «Стуре Ношке» пригласила их посмотреть на современное оборудование. Встретимся тут? Правда, я хочу успеть на Грен-фьорд. Туда пойдёт судно береговой охраны «Анденес». У них с собой телеуправляемый подводный аппарат, будут искать останки тех двух кораблей. Они по-прежнему лежат на дне, просто фантастика! Мне хотелось, чтобы вниз отправили аквалангиста – за бортовым журналом и документами. Но начальник береговой службы сказал, что это и дорого, и небезопасно, да и морская вода наверняка уничтожила бумагу.

Сигернес поднялся.

– Мне пора. Папку можешь пока оставить. Мне она сейчас не нужна. Глядя на то, как всё оборачивается, я уже жалею, что связал эти два дела. Меня-то интересует история полицейского сыска во время войны. Удивительно, насколько его успехи зависели от связей на местах и от сотрудничества с немцами. Но я всё-таки попытаюсь выяснить, кто он, этот убийца, которому, возможно, удалось просочиться на Шпицберген. Бедная женщина, его мать. Что я ей скажу?

Историк двинулся было к выходу, но передумал и вернулся.

– Ты приехал в отель только ради того, чтобы поговорить со мной об этом деле? Что тебя так заинтересовало?

Кнут, скривившись, вздохнул.

– Я сегодня плохо спал. Видел сон, что-то такое про реестр имён. Проснулся, лежал и думал об этом деле.

Историк немного подумал.

– Людей на Шпицберген отправляла угледобывающая компания, летом сорок первого, до эвакуации, их контора была в Харстаде. Думаю, они только и делали, что проверяли людей и имена до бесконечности. Немцам ведь не хотелось, чтобы в Лонгиер отправили постороннего, не связанного с горным делом. Шпиона, например. Наверно, надо спросить в здешнем офисе «Стуре Ношке», не могут ли они разыскать в своих архивах списки людей, нанятых летом сорок первого. Скорее всего, списки утрачены. Когда проводили операцию

по эвакуации Шпицбергена, они мало что смогли увезти. А потом большую часть строений сожгли.

«Как всегда, уверены, что они одни, – думал человек, который сидел по другую сторону низкой перегородки, делившей столовую на две части. – Им никогда не приходит в голову, что кто-то может подслушивать?»

Он давно убедился, что по его лицу ничего нельзя понять и в глазах нет и следа замешательства. А всё-таки глупо было ехать на Шпицберген. Нет никакой необходимости мучить себя воспоминаниями о том, что он уже больше пятидесяти лет назад оставил в прошлом.

Его прежней жизни больше не существует, он похоронил её, как дорогого покойника. Как-то раз в семидесятых он приезжал в Йёвик. Зарегистрировался в гостинице, потом бродил по улицам, останавливался у дома своего детства. Белый деревянный дом, совсем не такой большой, как ему помнилось, зажатый между торговым центром и автозаправкой. Столько всего поменялось, старые дома снесли или перестроили до неузнаваемости. Кое-какие улицы даже поменяли своё место и шли совсем не там, где раньше. Город вырос и странным образом помолодел, став более вульгарной и шумной версией самого себя.

Его никто не узнал. Только мать посмотрела на него с подозрением, когда он прошёл мимо. Да и он едва-едва её узнал. Правда, шёлковый шарф с лиловыми розами, кото-

рый она так любила, по-прежнему был накинут на плечи. Он знал, что отец давно умер. А брат... Ну конечно, он знал, что случилось с братом.

Он выписался из отеля тем же вечером, хотя номер был оплачен до утра. Но он торопился на север. Никто по нему не скучал, никто не мог его узнать. И всё-таки необъяснимая тяжесть в груди давила ещё несколько недель – лишние страдания, от которых никакой пользы. У него теперь другая жизнь.

И всё-таки съездить в город детства было правильным решением. Там он убедился, что ему ничего не угрожает. И был твёрдо в этом уверен все последующие годы. До этого самого дня. До тех пор, пока его мать, которая, очевидно, всё ещё жива, не написала случайному человеку, историку, и не навела его на след событий, у которых не должно быть никакой связи. А историк взял да и обратился в полицию Лонгиера. Однако разговор, который он подслушал, свидетельствовал, что пока никто из них в расследовании далеко не продвинулся.

Он почувствовал, как закипает прежний гнев. И подумал, что устранял людей и раньше, если они начинали его обременять. Чётко и быстро. И не попадался.

– Ты чего сидишь? Пошли, доклад скоро начнётся. – Тур Олуфсен улыбнулся неуклюжему старику, притулившемуся у перегородки, и увёл его к стойке регистрации, где нетерпеливый водитель дожидался последних ветеранов, чтобы от-

везти их в Дом.

Глава 7. Ещё один труп

Ленсман поехал осмотреть место, где нашли машину священника. Несмотря на поздний час, над горизонтом тяжёлым серым шёлком переливался свет. А ведь ещё только самое начало весны. Через несколько недель солнце вообще перестанет заходить. Лёд в реке уже трескается. Но ледоход не начался, и реку легко можно перейти. Перебраться на другую сторону, где земля, то вздымаясь грядами лесистых холмов, то опадая, тянется дальше и дальше – через Мурманск, через шахтёрский город Никель, по Кольскому полуострову, через Архангельск и Печору и ещё дальше к востоку на бесчисленные километры – до самого Ледовитого океана. С незапамятных времён это русские земли. Но теперь за рекой финская территория – согласно Тартускому мирному договору, заключённому между Россией и Финляндией в 1920 году. Немцы ведут строительные работы в разных местах, сооружают безопасные переправы. У оккупационных властей явно свои планы.

На берегу реки покой – как благословение в мягком вечернем свете. Ленсмана разрывало от любви и беспомощности. Его дорогая, драгоценная страна. Придёт день, и немцы уйдут – но до тех пор много чего нужно сохранить и защитить и о многом позаботиться.

Ленсман припарковал свою машину довольно далеко на

дороге. На земле ещё лежал снег, но сугробы подтаяли и съезжились. Он огляделся и пошёл вдоль следов шин, внимательно глядя себе под ноги: ни единой зацепки, чтобы судить о том, кто первым обнаружил машину. Её хорошо спрятали. Кто-то явно толкнул её вниз, к воде, а она застряла в кустах. Поблизости, справа от машины, видна была только одна цепочка человеческих следов – от съезда с дороги и обратно. Тот или те, кто обнаружил находку, явно торопились отсюда убраться.

Не было сомнений в том, что перед ним автомобиль священника. Номера совпадали, а кроме того, не так много было коричневых фордов в Северной Норвегии, да ещё с газогенератором. Священник пригнал машину с юга, когда получил приход в Киркенесе. Тогда она была под завязку нагружена кухонной утварью, игрушками, одеждой, постельным бельём – всем тем, что берут с собой, переезжая в новый дом. Нынешнему содержимому машины вряд ли кто обрадуется. На переднем пассажирском сиденье сидел мертвец. Одет он был в немецкую солдатскую форму. Стрелял в висок из девятимиллиметрового «люгера», который до сих пор держал в руке. В левой.

– Почему на пассажирском сиденье? – задумался ленсман. Он обошёл машину, раздвигая кусты. Отвёл в сторону ветки и открыл водительскую дверцу. Ключ вставлен в замок зажигания. Так зачем он пересел с водительского сиденья? Что-то здесь не стыкуется. Тело упало вперед, к лобовому

стеклу. Ленсман стиснул зубы и откинул его обратно к спинке. Рану в виске окружали чёрные подпалины. Кровь из раны обильно текла на лицо, но не смыла следов пороха. Копоти много, значит, пистолет прижимали к голове.

Кнутсен заставил себя оттянуть убитому веко и посмотреть, какого цвета у того глаза. Голубые. Волосы вполне могли быть светлыми, но из-за грязи и запёкшейся крови определить их цвет было трудно. Лицо тоже было грязным. Возможно, он несколько недель не мылся. Борода отливала рыжиной, как часто бывает у блондинов. Мужчину даже худым назвать было трудно, так он отощал. Скулы туго обтянуты кожей. Руки – не руки, а кости с когтями. Ладони неопишимо грязные, загрубевшие и в ссадинах.

Ленсман выпрямился. Тишина вокруг машины заставляла его нервничать. Он чувствовал спиной чей-то взгляд, хотя был совершенно уверен, что поблизости никого нет. Вытащив ключ зажигания, он захлопнул дверцу машины и запер её на замок. Конечно, взломать её ничего не стоило, но автомобиль был совершенно пуст – если не считать трупа. На заднем сиденье ничего, в бардачке тоже пусто. Никаких тайников в багажнике и под капотом. Ни следа ценностей, украденных из заброшенной русской церкви.

Кнутсен вернулся на дорогу к своей машине. Что ему рассказывать в Киркенесе? Вот проблема. Всё произошедшее в машине и вокруг было довольно ясно. И ещё кое-что он мог сказать точно: несмотря на немецкую форму и пистолет,

убитый почти наверняка был норвежцем.

Начальник полиции Киркенеса был до смерти напуган. Меньше чем за сутки его положение из крайне надёжного и определённого превратилось в неопределённое – и зависящее от искусности дипломатических манёвров, на которые он едва ли был способен. Из независимого и облечённого властью человека, которого местное общество боялось и почитало, он превратился в нуждающегося в посторонней помощи. К крайнему его сожалению, автомобиль священника обнаружили не его офицеры и ленсманы, а кто-то из солдат-австрияков, служащих в инженерных войсках. Они наткнулись на него, когда поехали к реке проводить разведработы для строительства моста на финскую сторону. Но, повинаясь хорошо развитому инстинкту не впутываться в дела, которые их не касаются, они немедленно сообщили о находке. О скорчившемся на сиденье мертвец с залитым кровью лбом и прилипшими к стеклу волосами.

Исчезнувшая икона, разумеется, заинтересовала оккупационные власти. А всё дело целиком, с убийством священника и обнаружением автомобиля, обнажало следующий факт: в Норвегии не так-то легко управлять людьми – к крайнему огорчению государственной полиции. Со стороны кажется, что все шестерёнки в такой малонаселённой стране крутятся как надо. Это впечатление обманчиво. Повсеместный мелкий саботаж и неспешное выполнение приказов делали про-

гресс в любом деле практически недостижимым. Норвегия оказалась обширной страной с плохими дорогами, неразвитым железнодорожным сообщением, особенно на севере, – и с незлобивым, но зачастую на редкость упрямым народом. Мысль о том, что простой священник мог воспрепятствовать передаче такого церковного достояния, как русская икона, в соответствующую организацию, просто не укладывалась у немецких чиновников в голове.

Необходимо выяснить, где икона. Начальник полиции прекрасно понимал, на кого ляжет ответственность в случае, если она не найдётся. Только при мысли о том, что икона, возможно, вовсе не в машине, его начинала бить дрожь. Поэтому, когда ленсман, несмотря на поздний час, позвонил ему домой, он буквально онемел от облегчения. Рапорт оказался коротким. Ленсман не упомянул о том, что залезал внутрь автомобиля. И не сказал, нашёл он там что-то или нет. Зато подробно описал, какие меры по обеспечению сохранности улики он принял: машина заперта на ключ, на краю дороги перед самым съездом установлен плакат, запрещающий приближаться к месту преступления. Дальнейшее расследование будет проведено завтра рано утром – закончил он.

Обойдя дом и поднявшись на кухонное крыльцо, усталый и голодный Кнутсен обнаружил, что дверь открыта, а в темноте за столом сидит Миккель – и с ним ещё один саам.

– Мне казалось, я дверь запираю, – только и смог сказать

Кнутсен.

– Не мог не запереть, – отозвался Миккель. – В наше время лучше двери на запоре держать. Понравилась тебе сельдь? А это мой свояк. Звать его Юусо.

Ленсман слишком устал для светской беседы, поэтому просто пододвинул к себе стул и сел, закинув руки за спинку.

– Налить ленсману кофе? – Миккель налил кофе в чашку и протянул ему.

– Спасибо. – Кнутсен жадно влил в себя горячий горький напиток. – И за сельдь спасибо. Думал передать её кому-нибудь, кому еда нужна больше, чем мне. И за ягоды. Спасибо тому, кто всё это принес.

– Ленсману надо торопиться. Времени у него немного. – Миккель взглянул в окно на тоненькие ёлочки, еле видные в ночном мраке. – Один мой родственник только что вернулся из Гренсе-Якобсельва. Насели на неё. На священникову жену. Разыскивают одну вещь, икону, что была в церкви и пропала.

Почему они решили, что она у той женщины?

Ленсман вздохнул и потёр руками лицо.

– Ничего они не решили. Но им нужно показать, что они что-то делают. Они используют её, чтобы заставить меня лучше работать, – думают, так я быстрее найду икону.

– А ленсман ей родственник? Или не ей, а священнику?

Вопрос был риторический: Миккель прекрасно знал, кто из местных с кем в родстве.

– Ленсман должен срочно что-нибудь сделать. Мальчика её грозят отослать в детский дом в Тромсё. А саму отрядить на общественные работы. Будет в больнице сиделкой. А то ещё отправят с немецкими войсками через границу.

Некоторое время все молчали. Ленсман подошёл к окну и опустил штору. И снова это чувство, словно за тобой следят. Но он понимал, что это просто от страха, а не потому, что за деревьями у дома кто-то есть.

Миккель поднялся, чтобы идти, и другой саам тоже сразу встал.

– Я тут проходил мимо нирудской фермы. Хозяева сказали, что ты хочешь со мной поговорить. Жена-то мне троюродная, хоть и не хочет этого показывать. У них, кстати, горе – мотоцикл пропал. Стоял в амбаре, с коляской, двадцать третьего года выпуска. С драндулетом, видать, всё в порядке было – тот, кто его взял, преспокойно на нём уехал. Они следы нашли ниже по дороге.

Миккель открыл дверь и вышел. Ленсман вышел следом и остановился на нижней ступеньке. Миккель обернулся в последний раз.

– То, что я ленсману рассказал, должно послужить общей пользе. Мы хотим, чтобы икона вернулась на своё место, в церковь. Ленсман это обещает?

– Обещаю, насколько это будет в моих силах.

– С нас этого довольно.

И они пропали. Свояк с финско-саамским именем Юусо

так ни слова и не произнёс.

Никаких новых следов шин в снегу у дороги, никаких отпечатков ног. Ночью автомобиль священника никто не трогал. И ранним утром тоже. Из Киркенеса должен был прибыть офицер. В середине дня ленсману предстояло его встретить возле своей конторы в Сванвике. Машину надлежало отбуксировать грузовиком в Киркенес. Больница обязалась забрать тело и хранить его в морге.

Так что время в запасе было, и ленсман заставил себя спуститься к машине и проверить одежду того, кто в ней сидел. Как он и предполагал, в карманах не нашлось ничего похожего на документы или личные вещи, по которым можно было бы опознать покойника. Спустя час Кнутсен наконец смог распрямить спину. Он немного постоял и подумал. Что здесь произошло, он в общих чертах себе представлял. Но не имел ни малейшего понятия о том, кем был убитый. И кем мог быть убийца.

На обратном пути он свернул к немецкому лагерю. По дороге на Сванвик всё было на своих местах: контрольно-пропускные пункты и блокпосты. Ленсман не рассчитывал, что потратит на них столько времени, пора было поторопиться. Австриец-комендант, ясное дело, тоже не хотел затягивать разговор. С находкой у реки он предпочёл бы дела не иметь.

– Вчера после обеда один из наших солдат приехал и доложил, что заметил подозрительную вспышку в кустарнике.

Как вам хорошо известно, мы усердно разыскиваем шпиона, который скрывается в этом районе и каждую ночь отправляет донесения русским. Солдату показалось, что он его за-сёк. А это был всего-навсего блик от автомобильного зеркала. Когда он увидел труп на пассажирском сиденье, то совершенно справедливо решил, что это дело – для полиции.

– Скажите, он ничего особенного не видел и не слышал? – Ленсман прекрасно понимал, что, даже если солдат что и видел, коменданту вовсе не обязательно делиться с ним этой информацией. Ленсман вздохнул. Комендант, конечно, прав: смертельно опасно вмешиваться в дело, если не можешь предугадать всех последствий. В такое время никому в Сёр-Варангере доверять нельзя.

На ферме у Нирюда было тихо и пусто. Ленсман заехал на двор: хозяев как будто не было, но через несколько минут вышла на порог жена в наброшенном на плечи старом шерстяном платке.

– Самого нет дома.

– Мне дали знать, что у вас в амбаре была кража. Верно?

– Да так, рухлядь. Не мотоцикл, а хлам. Думали сменить его на что путное. Не знали даже, что он заводится. Сам-то залил в него чуток бензина, ну и маслом протер.

– А затем кто-то пробрался на двор и забрал его?

Жена отвела глаза.

– Мы ничего не слышали.

Спекуляция, подпольная торговля, чёрный рынок – слов

много, а суть одна, и нет этим делам конца. Интересно, что хозяева получили взамен? Если он добьётся обыска, то что у них найдётся? Немецкое оружие и амуниция? Или икона? Нет, её они бы и тронуть не посмели. Торговля с немцами не была под запретом, но даже в этой глуши знали, что сокрытие краденого наказуемо. Ленсман задумался, понимают ли эти двое, что самая большая ценность, которую они выторговали за мотоцикл, – жизнь. И что менялись они с убийцей.

– Он ведь не мог далеко уйти, этот вор? Где ему взять бензин? К тому же у него наверняка нет проездного документа, так что немецкие блокпосты его не пропустят.

Хозяйка крепче закуталась в шаль и хмыкнула:

– Все воруют бензин у немцев, делов-то. Да и проездные – у самого вот их больше, чем надо.

«Итак, проездной, – думал ленсман, – одежда, мотоцикл и немного бензина. И, конечно, еда. Похоже, эти двое верно сообразили, что стоит на кону». Никакие расспросы и наводки не помогли ему выудить описание преступника. Ну, он на это и не рассчитывал. Женщина была слишком напугана.

Когда ленсман наконец добрался до Сванвика, присланный из Киркенеса офицер сидел на ступеньках конторы и ждал его.

– Хорошо бы у тебя была веская причина, чтобы не звонить и не подавать рапорт. – Он явно хорохорился. Офицер был молод и не знал, сколько ещё продлится оккупация. По-

этому он только что записался в хирд⁷. К тому же он получил от начальника полиции приказ проследить, чтобы ещё до конца рабочего дня ленсман Кнутсен прибыл в Киркенес.

Ленсман на провокацию не поддался:

– Так это вы были у церкви вчера вечером? Я видел следы.

Будь офицер чуть-чуть сообразительней, он, конечно, стал бы всё отрицать. Но он коротко кивнул и отвёл глаза, уверенный, что другой, более опытный полицейский не станет его обманывать.

⁷ Военизированные отряды партии «Национальное единство».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.